

Александр
Емильянов

Длинная
дорога

16+

Александр Владимирович Емильянов

Длинная дорога

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39824540

SelfPub; 2018

Аннотация

Случайно попав в бурю во время отдыха в Крыму, Алекс и не представлял как далеко от дома закинет его судьба. Поступив волей случая в Академию Высокого Волшебства и открыв в себе дар истинного волшебства, он волей- неволей попал в стремительный водоворот событий разразившейся войны между могущественными силами в этом мире, каждая из которых видит в нем лишь досадную помеху. Для всех ценителей Вархаммера, Великого Колеса, меча и магии.

Содержание

Пролог	4
Глава 2	15
Глава 3	28
Глава 4	57
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Пролог

Призрачный шторм возник из ниоткуда. Между той тонкой гранью, между тем, что есть и тем, что алчно жаждет быть. Он шел через безмолвные бездны и бескрайние ледяные пустоши пространств меж мирами, проносясь через обитаемые миры и пустые скорлупы мертвых миров, мимо разных измерений и планов. Неистовый, он шел с одной только ему ведомой целью, упорно и целенаправленно несясь вперед сквозь пространство и время. Но бывает и так, что даже самая малая, ничтожная песчинка, совершенно не сопоставимая с силой, мощью и сложностью механизма ломает его размеренный ход. Что же судьба коварна, и настигает даже казалось бы всемогущих богов, и подстерегает она чаще всего, как правило, как раз по тому самому пути, по которому ты стремился убежать от нее.

В оформлении обложки использован рисунок автора Педаховской Ксении Юрьевны. <https://vk.com/club93864841>
<https://www.deviantart.com/rarane-aren/gallery/> vk.com

Книга 1 – Глава 1

Облака и ощущение полета – вот то, без чего нельзя жить. Однажды попробовав, ты уже никогда не станешь прежним.

За это я и полюбил парапланеризм. В воздухе, когда отрываешься от земли, то забываешь про все на свете. Облака в этот августовский вечер в Крыму шли так низко, что казалось протяни руку чуть повыше и сможешь задеть их кончиками пальцев. Описав дугу и оставив позади себя высокие острые скалы, а затем пройдясь над знакомыми местами над бухтой Ласпи, я заметил вдалеке темную свинцовую тучу. Прикинув расстояние, я уже собирался идти на последний круг к земле, как ощутил все усиливающийся ветер. Чуть в стороне от себя со стороны моря я заметил надвигающийся смерч. Тут же сориентировавшись, я постарался увести параплан в сторону от него. Но не тут — то было. Как воронка затягивает воду, так и смерч по спирали затягивал мой параплан в свои смертельные объятия. Все происходило настолько быстро и стремительно, что я не успел даже испугаться как оказался в центре тучи, переливающейся сполохами разных цветов радуги. Бешеный стук сердца, гул и шум крови в ушах. Вспышка света ослепила меня. Очнулся я от резкого порыва ветра. Параплан сильно качнуло, и сквозь разрыв в облаках я увидел ослепительно белоснежные шапки гор и незнакомую местность внизу. С бешеной скоростью меня несло прямо на гряды высоченных гор. Я мигом, сбросив растерянность, развернул параплан по ветру. В последний момент, уже перед самой скалой, я отвернул от нее, изрядно понервничав и пролетев так несколько часов. Ветер стал стихать и болтанка стихла. Внизу я увидел высохшее

русло реки. Я задумался, куда же меня закинуло. Ближайшие горы— это наши крымские, ну, или карпатские, а эти исполины были не чета им, скорее, Гималаи или Анды, что вообще не реально, так как они совсем на другом конце света. Присмотрев небольшой ровный пляж на берегу реки, я приземлился и сразу же понял, что это пустой и необжитый край. Мой мобильник молчал, ни сообщений, ни связи не было. Я задумался, раньше не до того было. Вокруг не было видно ни одного огня, одна пустынная равнина без признаков жизни и поселений. Я вытащил все из своего рюкзака и карманов, что бы понять, чем располагаю. Вышло не густо: зажигалка, складной нож, бумажник, телефон, пакет для оказания первой помощи, бутерброд с колбасой. Солнце клонилось к закату, длинные темные тени от снежных горных вершин стремительно протянулись через всю степь своими ледяными объятьями. Шустро натаскав мелкого сухого кустарника и выкопав яму в земле, я развел огонь, что бы согреться от пронзительного холода. И это в августе, но это, если я еще на земле. Сон никак ни шел, я не мог заснуть, перебирая по памяти все возможные земные уголки природы и пейзажи, и все знакомые созвездия. О себе скажу не много. Мне семнадцать лет, собирался поступать на истфак, но видно не судьба, а дальше я и не загадывал. За этим я и заснул. Утром, собравшись и позавтракав, я решил идти по берегу реки. Если мне не изменяет память, то все поселения обычно всегда возводились у русел рек и водоемов. Через день пути, идя

вдоль реки, я стал замечать некоторые проторенные спуски и тропы к реке, но кто это сделал по прежнему было не ясно. Ночью я проснулся от холода и ощущения чужого присутствия. Но так ничего и не произошло. Встав, осмотревшись и не найдя ничего подозрительного, я лег спать дальше. Теперь я все это списывал на недосып и стресс, даже огонь не разжигал хоть и мерз. В одну из ночей меня разбудил жуткий волчий вой, а затем еще и еще. Уже вдали слышались завывания и приглушенный звон стали, крики. Утром, взобравшись на пригорок, я двинулся к тому месту, где, как мне казалось, я слышал ночной концерт, разбудивший меня этой ночью. Чем ближе я подходил, тем больше я убеждался, что тут что-то не то: разломанная телега с треснутой осью, пятна крови, разорванные обрывки черного плаща, несколько сломанных стрел, но трупов видно не было. Вдруг я ощутил спиной чей то злой взгляд, он был почти осязаем. Повернувшись, я увидел голову волка. Волчище и огромный. Таких я еще никогда не видел. Это не те, что живут в зоопарках. Они как мелкие таксы по сравнению с этим зверем. Этот же ростом вымахал с годовалого теленка. Я быстро спрятался за бортом и начал подбирать доску с края повозки. Наткнувшись на кусок треснувшего борта и рванув его раз— другой, я отодрал доску. Когда волчара выглянул из за края повозки, я изо всех сил с размаху ударил его по морде. Жалобно заскулив, волк отскочил, отбежал, помотав башкой, и скрылся в зарослях колючего кустарника. Я перевел дух и вздохнул, стре-

мясь успокоить частое сердцебиение глубокими вдохами. И тут вдалеке раздался протяжный волчий вой. Спустя пару секунд вдалеке послышались ответные волчьи завывания. И тогда я, не раздумывая, рванул к реке, надеясь что мне хватит времени. Уже взбежав на край песчаного холма, я увидел вдалеке черные тени. Их было никак не меньше нескольких десятков. Никаких других вариантов, кроме как преодолеть реку, я не видел. Стоя у реки, я еще сомневался, так как ее течение было уж чересчур бурным и стремительным. Но все мои сомнения сразу же испарились, как только на берег стали стремительно выскакивать огромные тени черных волков и какие-то фигурки наездников на их спинах. С дикими завываниями они были все ближе и ближе. Они стремительно преодолевали разделяющее нас расстояние, и я прыгнул в воду. Течение сразу же уволокло меня на середину реки. Стремина была довольно бурная, мешая мне плыть и увлекая на самую середину реки. Все б ничего, если бы не ледяной холод талой воды, струящейся с горных вершин, водопадами устремляющейся в лоно реки. Перевернувшись на спину, я увидел, что мои преследователи не теряют надежды добраться до меня и следуют за мной вдоль берега реки резвой рысью. Я уже даже не пытался добраться до противоположного берега, всякий раз бурный поток сходу отметал мои жалкие попытки хотя бы приблизиться к противоположному берегу. Единственное, что мне удалось, так это зацепиться за какую-то корягу. Я судорожно вцепился в нее. Так я и плыл

вниз по течению. Мои преследователи бежали чуть подотстав по берегу реки прямо у меня под боком. Гораздо большую опасность представляли песчаные отмели, коих, к счастью, было не много. Была опасность увязнуть на отмели, к которой по мелкой воде могли добраться и мои преследователи. Неожиданно весло шлепнуло у меня перед самым носом. Я инстинктивно вцепился в него. Меня, как рыбу из воды, подняло воздух, и, спустя какое-то время, чьи-то руки втянули меня на палубу. Шлепнувшись о деревянные доски суденышка, я пару минут лежал, вцепившись в поднявшее меня весло. Наконец, у меня его отодрали. Пальцы меня не слушались, я весь продрог и замерз, как ледышка. Я оглядел палубу и своих нежданных спасителей. Двое те, что были ближе ко мне, явно рядовые матросы. Рядом с ними стоял рослый мужчина очень важный, с густой черной бородой и с массивными серебряными кольцами на пальцах. Он невольно напоминал матерого пирата. По левому и правому борту шли ряды весел с сидящими на скамьях гребцами, по дюжине весел с каждого борта. Мужик с черной бородой с минуту спокойно осматривал меня, насквозь промокшего до нитки, и что-то отрывисто скомандовал своим подчиненным. Не успел я понять, что к чему, как меня рывком подняли с палубы два матроса и поволокли куда-то вглубь корабля, там где стояли деревянные клетки, затолкав меня в одну из них. Так я оказался взаперти. Солнце уже зашло и стало ощутимо холоднее, но по сравнению с обжигающе ледяной водой это бы-

ло терпимо. Прележав около получаса, я понемногу пришел в себя. Очутившись в клетке, я стал снимать с себя промокшую одежду и попытался хоть немного согреться. Теснота этой конуры, куда меня заперли, была явно не рассчитана на человека. Я и встать то в полный рост не мог. Руки каждый раз зацеплялись за прутья. Пытаясь согреться, я растирался и похлопывал себя по бокам, так как умереть от переохлаждения после столь неожиданного спасения никак не входило в мои планы. Кое— как согревшись и восстановив чувствительность ног и рук в онемевших пальцах, я уловил носом запах пищи. На галере видимо разносили еду и мой желудок требовательно заурчал, подав знак, что и ему было бы не плохо подкрепиться. Я, конечно, был полностью за, но про меня все, по-видимому, напрочь забыли в этой суматохе. Какой—то матрос, сидя на ступенях у входа на верхнюю надстройку, уже завершил свой ужин и поднялся. Я окрикнул его, но он лишь равнодушно скользнул по мне взглядом и скрылся за надстройкой, пропав из виду. Через какое— то время мимо меня прошел молодой парнишка, довольно юный, в сумерках сказать было сложно. Он шел с большим подносом. Я окликнул его, но он даже не повернул головы в мою сторону, пройдя дальше и не удостоив меня взглядом. Я с досадой чертыхнулся, стукнув кулаком от бессилия по прочным деревянным прутьям своей тюрьмы, и выругался, ушибив руку о прочное дерево. Тут парень, стоя уже у открытой двери на верхнюю палубу, развернулся и глянул в мою сторону.

Не знаю, что он там увидел, что привлекло его внимание, но он повернулся и скрылся за дверью. Я старался заснуть, несмотря на то, что требующий своей доли ужина желудок, постоянно урча напоминал мне об этом. Ночью мне так и не удалось выспаться, голод не давал мне уснуть. Проснулся я от шума. Кто-то стоял у двери в мою клетку. Я услышал лязг открывающегося замка двери. Наверху у входа в жилые помещения команды стоял тот самый парень, что оглянулся на меня этим вечером, а рядом с моей каморкой возился, позвякивая ключами, светловолосый высокий незнакомец. Я сел на пол и стал гадать, что им от меня понадобилось. Светловолосый был одет в куртку синего сукна со свободными рукавами. Его волосы были средней длины и падали свободно, едва достигая плеч. Справившись с замком, он открыл дверь и что-то негромко спросил меня на незнакомом языке. Затем, кинув взгляд на парня наверху, опять повернулся ко мне и снова спросил, уже на другом языке. Он выжидательно уставился на меня, затем опять сменил диалект, не сводя с меня глаз, но я так ничего и близко похожего не услышал, хотя знал несколько языков. Я покачал головой и показал жестами, что не понимаю его. Светловолосый перекинулся несколькими фразами со своим спутником и, подняв руку, щелкнул пальцами. Вспышка света озарила небольшой пяточок палубы, на котором мы стояли. Светловолосый был уже не молод, но и старым я бы его не назвал. На вскидку, лет сорок, сложно было сказать. Я заворожено уставился на

светящийся шарик света, теплый как маленькое рукотворное солнце. От него почти не было тепла, но света было достаточно, мягкого, теплого и какого– то живого. Сделав пасс движением руки в мою сторону, маг, а никто другой это и не мог быть, направил светящийся огонек в мою сторону. Протянув руку, я попытался оттолкнуть летящий на меня светящийся огонек. Прикоснувшись к нему, я вдруг ощутил его как искру тепла рождающуюся у меня глубоко внутри. Волна тепла разлилось по телу. Я с удивлением ощутил, что мне уже и не холодно. Глянув на свои руки, я увидел, как светлячок спокойно лежит в моих ладонях. Огонек повиновался мне, плывя за движением моей руки из стороны в сторону пока внезапно не угас. Все опять погрузилось в ночную тишину, лишь поскрипывание у лючин, да шум бегущей воды за бортом и колыхание на ветру главного паруса нарушали общую тишину. Светловолосый маг не долго раздумывал. Засучив рукава, он начал указательным пальцем чертить прямо в воздухе какой– то узор, что-то вроде иероглифа, как мне показалось. Светящийся знак он заключил в круг, произнес какое – то слово и знак засиял ярче, и потом вспыхнув пропал без следа. Я недоуменно смотрел на это действие, не веря до конца, что это и вправду настоящий маг, считая что это просто какой– то фокус с огоньком. Я во все глаза глядел на светловолосого волшебника.– Наверное не сработало, учитель. Не может быть, заклятие надежное, оно не сорвалось, ушло гладко,– рассуждал меж тем маг. –Должно было

сработать,— не так уверенно закончил он мысль вслух. Светловолосый снова стал поднимать руку, то ли собираясь сотворить заклинание, то ли просто поднял руку.— Я понимаю вас,— произнес я скороговоркой. Оба— маг и его спутник— переглянулись. Облегченно вздохнув и засыпав меня вопросами, маг представился как Тилоин. Он был странствующим магом Академии Высокого Волшебства и направляются они на церемонию Выбора. Что это такое, я решил спросить потом. Главное было выбраться из этой клетки. Аврилл— помощник и один из учеников Тилоина то же был не прочь испытать судьбу на предстоящей церемонии. Тилоин пообещал вытащить меня из этого, надо сказать уже дико надоевшего мне узилища, провеваемого всеми ветрами. Поднявшись наверх по лестнице, они оба скрылись за дверями, отправившись на поиск капитана судна Янсена Тригга. Солнце уже осветило небосвод, как наконец, пришедший с Тилоином матрос со связкой ключей, отворил замок и открыл дверь, давая мне выход на свободу. На это знаменательное событие ушло около часа, который я провел в не самом спокойном состоянии духа. Я то и дело гнал от себя гнетущие мысли, что капитан заупрямится и не согласится, не захочет отдавать своего узника, вплоть до того, что маг передумает, сочтя данное дело слишком хлопотным и накладным, из— за еще одного возможного ученика рискуя возможными неприятностями с капитаном судна. Но мои страхи улетучились, как только загремела связка ключей и я вышел, наконец, на

открытое пространство палубы. Ничто не стесняло мои движения, и я смог впервые за эти дни расправиться, не сутулясь, встать в полный рост и размять затекшие руки и ноги. Свежий ветер, бьющий в лицо утренним бризом, взъерошил мои волосы. Забрав свою одежду и рюкзак, я пошел вслед за Тилоином в сторону кормы, в глубь помещений корабля. Видимо там располагались каюты для пассажиров. Рядом с каютами для пассажиров был холл со столом и письменными принадлежностями, сейчас задвинутый к борту. Спартанские условия подчеркивали гамаки, свисающие с балок наверху. В них спали пассажиры. Мой провожатый Аврилл довел меня до пустого гамака, и, порывшись в шкафчике, вручил охапку сухих и чистых вещей, какие только смог найти. На глаз они подходили мне, а так же пару поношенных туфель. Когда я оделся, он протянул мне ломоть хлеба с куском сыра. Выразив им свою благодарность, я принялся за свой завтрак с ожиданием нового утра и новой надежды.

Глава 2

Ну, что же будем знакомы, я Тилоин – маг высшего круга, а вот мои ученики– претенденты на поступление в Академию Высокого Волшебства Арвеллона Крисс и Вейлин. Оба среднего роста, со светлыми волосами и серыми глазами. Они были одеты довольно скромно, если не сказать бедно, но по сравнению со мной, настоящие богачи. Вот подающая большие надежды Таллира, высокая юная девушка с каштановыми волосами и зелеными глазами. Одета довольно изысканно, с серебряным кольцом на пальце, явно фамильным. Она еще и благородная, отметил я про себя.– Ну, а с Врилом ты уже знаком,– я утвердительно кивнул.– Здравствуйте, меня зовут Алекс, я путешествую и, кажется, меня забросило далеко от дома. И я рассказал историю о том, что путешествовал с караваном, когда на нас напала орда, ну, а дальше так получилось, я развел руки в стороны – и вот я тут. Как видно, такое тут было в порядке вещей, и никого это не удивило. Путешествия и неизбежно следующие за ними опасности видимо стали здесь уже повседневностью. После первого знакомства я засыпал Тилоина разными вопросами: про кристалл у него на пальце, что за знак он вырисовывал, и где мы сейчас, и куда направляемся. Маг отвечал однообразно, не вдаваясь в подробности.– Думаешь ты один такой, кто попадает к нам без знания общего – имперского языка?

Не важно, как далеко ты живешь отсюда. Хотя мы сейчас и проплываем по самой границе освоенных человеком земель, дальше,— махнул он рукой в сторону бескрайних степей,— начинаются дикие и опасные земли. Здесь пролегает граница цивилизованного мира. А что до кристалла, то это— один из редких, еще оставшихся артефактов, доставшихся нам от тех давних дней, когда магия поистине могла ВСЕ. Он специально выделил это слово. — Не то, что сейчас,— с ноткой горечи произнес он. В этом кристалле хранятся все языки для обучения ментальному восприятию. Такие артефакты очень редки сейчас, их не так много, как во время моей молодости, да и слабее стали, как маги так и кристаллы. Сейчас больше в ходу, так называемые, иззолевские поделки. Во времена единой империи династии Аллори набор в Академию шел на тысячи, а сейчас едва— едва одна— две сотни и наберется.— Да, хмыкнул он,— едва искра в глазу сокола светится, так это сейчас называют чуть ли не пожаром.— Вот раньше, еще при моем учителе, светлых ему садов Эллизиума, так вот он мне рассказывал, что во времена его ученичества за светлячок могли в Академию не взять. Сейчас если что хорошо и умеют нынешние магистры, так это золото лопатой загребать, особенно благородных до нитки раздевая. У них, как говорится, койты золота не клюют, — нехотя добавил он. Сила дара и яркость искры уже не те, самородки же встречаются все реже. Наверное, ты и сам уже догадался, тот спонтанный всплеск силы, что ты вызвал тогда. Ну, что

ж, давай расскажу тебе, куда мы плывем и зачем направляемся. Тебе, наверное, жутко интересно. Я согласно кивнул, продолжая слушать. Волшебник продолжил рассказ. – Я маг третьей ступени в ранге Соединенного королевства Академии Высокого Волшебства в столичном городе Амстелл. Поняв по моим глазам, что это ничего для меня не говорит, он пояснил. – Я вольный мастер, маг с посохом и патентом от совета Академии, с правом набора учеников. Раз в год я представляю на ежегодной торжественной церемонии Выбора перед главными воротами Академии Высшей магии своих претендентов на поступление в ряды учеников данного заведения. – Да, – поднял указательный палец вверх Тилоин, – во всех вас есть искра, дар всеблагих богов, но достойны ли вы, по силам ли вам с вашим даром обучаться, в стенах Академии решит только церемония выбора. Ведь выбирают всегда сильнейших, с самой яркой искрой и сильным даром. Решать будет совет магистров из двенадцати факультетов с ректором Тайроном во главе. Ну, и, конечно, с могущественным артефактом Глазом Сокола. Это один из самых древних артефактов – наглядное свидетельство бывшего всемогущества магов прошлого, найденный нами еще во времена, когда империя династии Аллори только начинала свое восхождение на вершину власти. Этот артефакт выглядит как обычный хрустальный шар, но имеет уникальную способность видеть и отображать яркость и потенциал искры, саму суть дара испытуемого, все стороны его силы и грани дара, показывая их

в виде понятном для магистров. –Как же он отражает это, в каком виде?– с интересом спросил я.– Он показывает вашу уникальную способность, отображая ее в виде разных цветов. Чем сильнее ваш дар и ярче искра, тем ярче светится кристалл, и при этом окрашивается, к примеру, в синий цвет, если у вас предрасположенность к стихии воды, зеленый– к стихии земли и растений, лазурный – цвет воздуха, алый и красный – цвет адептов огня. Тут Тилоин обратил наше внимание на окружающий нас пейзаж. – Ну, а на данный момент мы проплываем дикие пустоши, по одну сторону реки Рейк, пустоши,– показал он, вытянув правую руку, а по другую – Синие горы– край земель, обжитых людьми. Через неделю, если нам повезет и все обойдется без происшествий, в крайнем случае, через десять дней мы причалим в главном порту стольного города Асмтелл. И, что бы занять вас от праздных шатаний в этом путешествии, у меня есть с собой несколько книг, которые всем вам не помешало бы прочитать. Да и письмом будет не плохо заняться. Для всех будет не лишним потренироваться, а то магия магией, а без практики никуда, даже нам волшебникам, – улыбнулся маг. Черета последующих дней для меня прошла весьма однообразно. Чтение книг по истории, зарождения империй и государств в этом мире была очень захватывающей, но не сильно отличалась от того, что творилось у нас в средние века. Книги по магии, ну и, конечно, правописание, а так же работа с начальными техниками контроля собственной силы: как правиль-

но ощущать ее, медитации, смотреть на мир не обычными глазами, а внутренним зрением, еще называемым истинным или магическим зрением, позволяющим видеть ауры живых существ и энергетические потоки – места силы. Наша галера проплывала между тем среди пейзажей необычайной красоты. Особенно впечатляющий вид им придавали возвышавшиеся сплошной стеной по левую сторону от нас исполинские громады Синих гор, холодных и гордых в своем ледяном величии и безмолвии. Мои успехи тем не менее шли совсем не плохо. Я с усердием и жадностью дорвался до знаний, стремясь узнать и усвоить все, что только успевал вылаживать нам Тилоин. Я быстро усваивал материал по самым разным дисциплинам, за исключением каллиграфии, письмо давалось мне все же хуже чем языки. Помимо всеобщего языка я не плохо умел объясняться на Тилейском. Выходило немного коряво, но сносно, как прокомментировал Тилоин в заключении, в ответ на заданный мной вопрос.– На уровне среднего селянина, но и это уже не плохо,– признал маг. Через несколько дней пейзаж за бортом изменился до неузнаваемости. Синие горы медленно таяли, как мираж в утренней дымке, оставшись далеко позади кормы, а река тем временем сузилась и сменила свой стремительный бег с севера на юго – запад, затем опять течение стало более бурным и стремительным. Кое– где из воды торчали острые камни. Они как клыки дракона торчали из воды, то исчезая под белыми бурунами, то вновь показываясь из воды. Некоторые

торчали как осколки скал, намного возвышаясь над водой, и галере приходилось лавировать между ними, как гимнасту на льду, обходя опасность стороной. Иногда в узких местах или у излучин реки по берегам виднелись остовы разбитых кораблей, вернее то, что от них осталось. Дерево было дефицитом в степи, и как правило, не долго находилось в бесхозном состоянии. Солнце светило особенно ярко, но без летнего жара, грело, но не припекало. С разрешения капитана, нанятого Академией по просьбе Тилоина, нам разрешили накрыть стол на верхней надстройке, откуда открывался замечательный вид на окружающий нас пейзаж. Обед вышел восхитительный, особенно после моих недавних злоключений. Трапеза была в самом разгаре, как вдруг крик впереди смотрящего в вороньем гнезде на верхушке мачты развеял всю непринужденную атмосферу спокойствия. Подбежавший матрос доложил капитану, что впереди, прямо по носу в пяти – шести лигах челюсти. Капитан Янсен тут же попрощался с нами и, в первую очередь с Тилоином, вышел из– за стола. Он направился куда– то вперед, на нос, готовя команду, подгоняя нерасторопных резкими криками, а кое – где и твердой рукой, что бы пошевеливались во имя всех богов. Всматриваясь в даль и напрягая зрение, я увидел далекую белую пенную черту, пересекавшую реку почти что наискось, оставляя небольшую спокойную заводь прямо у самого берега реки. Я так увлекся этим зрелищем, что не заметил, как наш наставник очутился на носу галеры и о чем– то

спорит с капитаном, время от времени жестикулируя, прямо на носу и показывая, что— то на пальцах капитану Янсену. Он показывал то в сторону тихой заводи со спокойной водой, то в сторону правого борта с пенящимися там водными бурунами. Нас всех это заинтересовало. Было не понятно, что же дальше будет, сможем ли мы их проскочить. Галера уверенно и не спеша поворачивалась боком к течению реки и медленно, как бы притормаживая, скользила вперед и в бок, параллельно линии белых бурунов, которые уже были в опасной близости от носа галеры. Капитан Янсен сам встал к рулевому колесу и теперь напряженно всматривался вдаль, где пенный бурун заменяла тихая гладь спокойной воды. Напряженное ожидание нарастало, становясь прямо таки осязаемым. Когда до пенной черты оставалось около двух— трех корпусов судна, капитан, видя одному ему известные ориентиры, уверенно повел судно, как в ворота между двумя пенными бурунами. Вблизи они производили еще более грозное впечатление. Огромные, массивные камни, с острыми краями. Если на такие напороться, то галере не сдобровать, ну и всем, кто на этой галере находится. Пройдя порог, чиркнув самым краем днища по мелкому здесь дну, галера вышла на чистую воду. Без препятствий пройдя чуть дальше вниз по течению реки, мы увидели остовы суденышек, которым не так повезло, как нам с таким опытным капитаном. Кто— то не знал здешние воды и опасности сплава по реке, кто— то оказался слишком большим и неповоротливым, как вон

тот пузатый номадский когг, или же сплавлялся ночью, что есть сущее самоубийство в здешних водах. Проплывая мимо этой бескрайней степи, тянувшейся вдаль как океан, уходя вдаль за бескрайний горизонт, лишь не многое скрашивало однообразный пейзаж за бортом. Разбитый остов уже не понятно какого корабля или вздернутый вверх острый нос галеры, или же стремительные обводы галеаса, теперь как ребра остова шпангоутов разбросанные вокруг, а так же острые клыки камней, торчащие из под водной глади реки. После преодоления клыков распорядок дня у нас установился таким: после подъема зарядка, переходящая в медитацию и концентрацию воли и энергии в ладонях, затем, когда Тилоин считал, что удовлетворен нашими стараниями, он разрешил нам позавтракать. На праздный вопрос Криса: – Почему до завтрака?– Учитель вполне серьезно сказал: – Что бы был интерес усерднее заниматься, на пустой желудок легче концентрироваться, да и тонкие энергии легче видно, чем на полный желудок. После завтрака шла зубрежка основ стихийной магии, урок чистописания, так называли его, за глаза, всеми не любимый урок каллиграфии, затем видя, что я еще в рядах отстающих, Тиллоин порылся в своих запахах и вытащил на свет немного затертую, обшитую черной кожей с медными застежками на боках книгу.– Вот это на память осталось мне от одного ученика начальной ступени. Он все пытался удержаться в Академии, да так и не сложилось,– кратко произнес он. Конспект и вправду мне здорово

помог. Подчерк был немного корявый, но вполне сносный, читалось понятно и легко. В нем были в основном общие сведения о формулах, конспекты первых занятий начального курса, так называемого подготовительного. Краткий обзор землеописания о разных странах и народах, о флоре и фауне в империи и сопредельных государствах, упражнения для концентрации сознания и управления силой, о четырех источниках силы, и стихиях, как друг с другом взаимодействуют две великие пары: вода с землей и огонь с воздухом. Как-то утром, после зарядки я обратил внимание, что у всех учеников Тилоина, кроме меня, на правой руке на указательном пальце тускло поблескивает небольшое серебряное кольцо. Учитель перехватил мой взгляд и после медитации рассказал мне, что кольцо дается только ученику— претенденту на поступление в Академию Волшебства. Маг, вручающий кольцо, должен быть полностью уверен в своем выборе претендента на поступление в Академию. Силу, вложенную в кольцо, зачаровывает сам совет во главе с ректором. Совет магов Академии высоко ценил каждого ученика со способностями к магии, тем более с сильным даром, если, конечно, ему удавалось поступить в Академию, даже пусть и не с первого раза, или же, если он оказывался отчисленным после первой же четверти— круга. Рука волшебника выняла кожаный мешочек с завязками и вытащила оттуда такое же простое, как и у всех остальных учеников серебряное кольцо с гербом академии. Арфа в нижнем поле, а в верхнем— луч све-

та меж облаков, символизирующий божественный свет знаний магии.— Ну что ж, мгновение истины,— попытался отшутиться Тиллоин, взяв кольцо в руку и зажав его между пальцами, но я видел, что он волнуется хотя и скрывает это за непринужденной шуткой. Едва очутившись у меня на пальце, серебро кольца отозвалось глубоким, мелодичным звоном, неслышимых для тех, кто не обладает даром. Ободок кольца и герб засветились мягким жемчужным светом. Тиллоин облегченно выдохнул и улыбнулся. На невысказанный мой вопрос он объяснил, что догадывался о том, что у меня есть искра магии, но не имел права на ошибку и тянул с выбором в надежде, что что-то прояснится и поступил так, как считает нужным, ибо проверить меня по-другому было невозможно. Только сила, вложенная в кольцо, решала подходит ли по силе дара испытываемый или нет. Тем более кольцом нельзя проверять кого попало, сила то расходуется, нужно долго приглядываться и изучать, что называется издалека, подающего надежды кандидата на поступление в Академию. Кольцо же было последним средством, когда нужно было внести окончательную ясность и вопрос стоял ребром — да или нет. Вместо использованного кольца Академия присылала удачливому магу новое, полное силы. Потенциальных учеников искали по всей Ойкумене, но, если силы кольца растрчивались впустую, то у чародея были серьезные неприятности. Штраф был бы еще сущим пустяком, в крайних случаях, могли вообще не прислать новое коль-

цо, негласно запретив магу искать и выбирать учеников, так что учитель волновался не зря, у него были веские основания для долгих раздумий и сомнений. На занятиях Тиллоин обучал нас ощущать силу стихий. У каждого будет своя или даже несколько стихий. Обычно были две великие пары: вода с землей или огонь и воздух. Но случались и другие комбинации, например, вода и воздух, при этом, доминировала какая-то одна стихия. Одна стихия была основной, а вторая – вспомогательной. К примеру, воздух – главная, а вода – вспомогательная. Стихии огонь и воздух идеальная пара – воздух поддерживает и питает, раздувает пламя. Чаще всего встречаются стихии огня и земли, земля же идет чаще как довесок. Нельзя овладеть в равной степени хорошо обеими стихиями. Да и редко когда сейчас две стихии встречаются у учеников. Наши тренировки состояли в том, что бы выяснить, кто к какой стихии более предрасположен. У Криси и Вейлин было однозначно ясно сразу – вода, у Талиры – воздух, у Врила – огонь. Про себя же я не знал ничего, даже светлячок и тот сделал не я, а наставник. Я всего лишь управлял им пока он не исчерпал вложенную в него силу и погас. К сожалению, дела у нас не шли дальше теории и разговоров об этом. Поэтому, когда у Талиры на одной из тренировок получилось вызвать небольшой пылевой смерч, который и продержался всего – то пару секунд, а затем исчез, было много восторженных воплей, как если бы ей удалось вызвать торнадо, и это самое меньшее сравнение. Следующим собы-

тием был триумф Криса и Вейлин. Утренняя зарядка подходила к концу. Все уже спустились на нижнюю палубу, как крик впередсмотрящего разорвал спокойную утреннюю тишину. Впереди челюсти, две лиги по носу. Команда, подготавливаемая здоровяком— боцманом Гроном и старшими матросами, быстро навела на палубе порядок. Увы, время для того, что бы что-либо сделать, уже было безвозвратно упущено. Пенные буруны стремительно приближались. Течение медленно, но неотвратно тянуло нашу галеру прямо на драконьи клыки, уже кое— где видимые из под воды. Даже издали пенные буруны наглядно свидетельствовали как их много. Учитель тем временем поравнялся с Крисом и Вейлином и стал что— то объяснять им. Минуту спустя оба согласно кивнули и положили свои руки ему на плечи. Маг стал читать заклинание, движения его рук стали вдруг плавными и текучими как вода. Мне при этом почему— то вспомнился эпизод из мультфильма о панде По. Тот момент, где он отражал голыми руками летящие в него снаряды. Так вот, такие же похожие движения. Несколько напряженных секунд ничего не происходило. Как вдруг, вода вокруг галеры замедлилась и вспенилась, наше суденышко приподняло набегающей волной и легко, будто перышко, пронесло над скрывшимися под водой бурунами и притаившимися внизу каменными клыками. Широкая река стала сужаться, стала более стремительной. Кое— где лес подступал к самому берегу реки, и не только острые камни теперь представляли опасность для нашей

галеры. Поваленные стволы деревьев и другой мусор могли если не потопить, то серьезно повредить борт нашего судна. Несколько дней прошли в спокойствии. После каменных клыков все были уверены в том, что самое опасное уже позади.

Глава 3

Столкновение произошло внезапно. Резкий толчок, и все покатались по палубе. Все схватились за первое, что подвернулось под руку. Огромный ствол дерева внезапно обрушился на нос судна, опасно накренив галеру и обездвигив ее. Течением наше судно стало разворачивать, прибывая к близкому здесь берегу. Команда под зычным рыком капитана Янсена забегала по палубе. Одни тащили топоры и пилы, другие готовились к бою. Боцман Грон возвышался над всеми остальными находящимися на палубе матросами. Он лично подгонял, раздавая тумаки и затрещины нерадивым матросам, принявшись самолично рубить корявые ветви дерева, стараясь добраться до главного ствола. Но ветви были прочными, держали нос галеры прочно, как когти хищника вцепившегося в добычу. Большая часть команды тем временем спешно вооружалась. Из трюма и сундуков извлекались копья, мечи, шлемы, боевые топоры. Лучники же сгрудились на корме, держа под наблюдением близкий берег. Их прикрывали щитами другие матросы. Я признаться среди этой суматохи совсем растерялся. И только, когда из леса полетели стрелы и дротики, до меня, наконец, дошло, что нас атакуют, мы попали в ловушку. Засада была устроена в идеальном для этого месте. Узкий поворот

бурной и стремительной реки, а так же высокий склон с лесом, подступающим к самому берегу. Деревья здесь простирали свои ветви чуть ли не до середины реки. По развернувшейся от удара ствола галере пришелся плотный шквал из стрел, коротких копий и дротиков. Больше всего досталось гребцам, чуть меньше команде на открытой палубе. Команда, прижавшись к бортам судна, пыталась отвечать, но большинство забилося кто куда, ища спасения от визжащего в воздухе смертоносного железа. Лишь немногие дали отпор врагу, стреляя из луков, метая дротики, стоя за бортом и прикрываясь щитами, используя для этого любое препятствие для стрел, мачта это или бочка с песком. От того казалось, что смертоносный ливень стрел и дротиков выкосил большую часть команды. Да кому-то не повезло, матрос, которого прищипило брошенное копьё, вперед смотрящего, которого раздавило падающим деревом, несколько гребцов с правого борта, прошитых дюжиной стрел каждый, не успевших даже выпустить весел из рук, несколько матросов, прищипленных к борту галеры. Теперь они напоминали мне куклы с торчащими из них всяким колющим и метательным инвентарем, что был весьма разнообразен в ходу у зеленокожих. Большинство раненых гребцов с правого борта успели перетящить вглубь корабля под прикрытие борта. Наступило затишье перед бурей, и ничего хорошего оно не предвещало, для нас уж точно. Оглушающий рев и многоголосые визги,

вопли на разный лад, леденящие кровь кличи ярости и злобы, отдельные вопли на всеобщем, как будто кто-то кривляясь коверкал скороговоркой нормальную речь. Воинственные кличи гоблинов рассекли установившуюся тишину. Множество низкорослых фигурок бросились, карабкаясь по стволу, к нашему судну, прыгая прямо на палубу, тыча во все стороны короткими ржавыми, зазубренными наконечниками копий. Визг и хаос суматохи перекрыл зычный рык капитана Янсена, выведший всех из ступора и оцепенения. Часть команды с боцманом Гроном во главе, перевернув широкий дубовый стол, за которым мы обедали по вечерам, забаррикадировала им носовую башенку, на которую упал ствол дерева или точнее то, что от нее осталось, и заняла за ним оборону, призывая всех туда. Сплошной поток зеленокожих разбился об кучку храбрецов, давших им отчаянный отпор. Команда галеры скидывала в реку, прущих напролом гоблинов, сбивая прыгающих через прочный дубовый стол зеленокожих еще в полете, встречая их ударами копий и щитов. Тяжелый обоюдоострый топор Грона неустанно кружил настоящий кровавый и смертоносный вихрь смерти. Несколько матросов с топорами рубили крепкие ветви дерева. Ствол содрогался под их ударами. На юте два десятка лучников вели смертоносный обстрел, посылая стрелы в напирających гоблинов, теснящих тех, кто лез по стволу вверх, пытаясь добраться до палубы судна. Мягкий

толчок – галера коснулась дном песчаной отмели. Рядом с откосом, появилась кучка гоблинов повыше во главе с их предводителем. Зеленые пытались массой задавить сопротивление выживших после первой волны атаки. В это время из трюма появилась помощь – десяток закованных в панцири, вооруженных алебардами и широкими щитами наемников, нанятых как раз на такой крайний случай, как страховка спокойного путешествия. Выйдя из– за надстройки судна, я увидел как по всей палубе, залитой кровью, наемники удерживают щиты, не давая гоблинам перепрыгивать с деревьев на палубу корабля. Некоторые зеленокожие использовали для этого лианы, раскачиваясь и отталкиваясь, они приземлялись на палубу. Здесь их встречали, насаживая на копья и алебарды. За ними, отгоняя зеленокожих тычками и колющими ударами длинных алебард, стояли наемники, прикрывшись щитами и держа строй. Гоблины метали из глубины зарослей, скрывавших их не хуже, чем любые из заклятий, дротики, короткие копья, метательные топоры и камни из пращей. Тут я увидел, как на корму упали несколько стальных кривых крючьев. Они впились в деревянный брус борта, канаты напряглись и галера плавно накренилась, и медленно сдвинулась к берегу. Разобравшись с ходом в обстановке, Тилоин водяным бичом смел с бревна очередную толпу гоблинов, свалив их в воду, затем направил водяной хлыст на ближайшие заросли, срезав всю растительность под корень, как огромным

ножом. Крис и Вейлин, положив руки на плечи передавали свои силы учителю. Талира пару раз вызывала порывы ветра, сбивая тучи стрел, летящих с берега и даже свалив нескольких гоблинов с деревьев. Затем сконцентрировалась и ударом воздушного кулака сбила в воду дюжину гоблинов. Но как оказалось, мы рано радовались. Вожак гоблинов, эдакий щеголь в красном сюрко, явно сдертого с какого то аристократа, и в красном же капюшоне с желтой окантовкой, с ятаганом с рукояткой в виде черепа в навершии на поясе достал рог и три раза зычно протрубил в него, очевидно вызывая подмогу. Матросы, между тем, времени даром не теряли, зная, что каждая минута на счету и помощь гоблинам может быть уже в пути, и может прийти в любой момент. Они начали рубить канаты у оснований, так как крючья глубоко впились в дерево борта, как когти хищника не желающего расставаться с уже пойманной добычей. Внезапно Тилоин как – то весь подобрался, стряхивая напряжение с кистей рук, и приказал отступить ученикам ему за спину. Рядом стоящим матросам он приказал прикрыть их щитами, велел им не высовываться. Сам он начал читать заклинание, достав из сумки на боку несколько амулетов. Он надел на указательные пальцы несколько колец, а на шею круглый кулон– оберег. Тут и все остальные на палубе ощутили чье– то присутствие. Наступило гнетущее напряжение. Талира первой заметила опасность. Ее крик – там наверху, на дереве. Мы все невольно перевели свои взгляды вверх в

указанном Талирой направлении. Там что— то было в тени, оно шевелилось. Сначала появилась пара желто— красных глаз, а затем верхом на пауке явился шаман гоблинов. И, видно, довольно матерый, судя по тому, сколько тотемов и амулетов на нем было повешано, с коротким жезлом и тотемом— колотушкой в лапах. Голыми ногами он сжимал шершавые бока гигантского черного паука— аракнока, что обитает в самом сердце гиблых топей диких земель. На башку шаман нацепил головной убор из перьев, прям как у индейских вождей. На шее у него болтался какой — то амулет. Мое воодушевление улетучилось, так— как аура силы шамана давила на нас все сильнее и сильнее. Она явственно чувствовалась, и была даже сильнее, чем у учителя. А слишком продолжительное напряжение на искру могло грозить, в лучшем случае, продолжительной недееспособностью или даже смертью. Если же твоя искра не выдержит таких нагрузок на нее, то тебя просто выжжет. По— видимому предстоял серьезный бой. Шаман вскинул вверх погремушку в левой руке, и в толпу матросов на носу полетел желтый шар, который хлопнул, взорвавшись над ними, забрызгав многих матросов кислотой, не успевших среагировать и спрятаться за укрытие. Они дико вопя стали кататься по палубе, срывая с себя прожженные лохмотья, оставшиеся от их одежды, прыгали за борт, вопили, катаясь по палубе, старались стереть с себя капли жгучей кислоты. Паук легко одним прыжком запрыгнул на ствол дерева,

накренившего наше судно. Оно было подрублено почти до конца и лишь краем зацепилось за носовую балку. Шаман начал крутиться и качаться из стороны в сторону на спине паука, непонятно как только удерживаясь на нем. Учитель тоже не терял времени даром. Он решил вызвать элементаря воды, защитив его воздушным щитом. Вспенилась вода у бортов. И вот из воды вырос во всей своей мощи дух воды. Тайлин направил его на шамана, и тут началось светопредставление. Вода вокруг галеры пенилась и бурлила, шипела и выходила из берегов. Все мы на палубе держались кто за что мог ухватиться. Гоблины вынуждены были даже прекратить на время атаку. Они теперь наблюдали за битвой чародеев с безопасного для себя расстояния— из— за кустов на берегу реки. Элементарь обрушил на шамана зеленокожих всю ярость и силу водной стихии. Но шаман тоже был матерый, он стойко держался, укрывшись изумрудной сферой как щитом, отбивая все атаки магического существа. Гоблины в чаще леса как заправские фанаты воплями и криками подбадривали своего шамана с безопасного расстояния, где их не могла достать разбушевавшаяся водная стихия. Бой уже шел минут десять— двадцать, а шаман все так же стойко держался. Тут я и все остальные маги почувствовали, как сила атак элементаря пошла на спад, он начал слабеть. Его атакам уже не хватало мощи, волны уже перестали захлестывать берег, волнение реки поутихло, водный дух растратил

вложенную в него силу и стал слабеть, опадая прямо на глазах, уменьшаясь в размерах. Вот он только что был выше верхнего борта, и вот он уже вровень с палубой. Но и шаман уже не мог поддерживать щит полностью, ставя и снимая его только во время ударов элементаря. Кто кого переборет? Тут я увидел, как торжественно вспыхнули глаза шамана, и понял, что шаман и так знает, что победит. Тогда зачем он тянет ? Глянув на берег, я увидел что там бесновалась толпа зеленокожих. Шаману не нужна была просто очередная победа в еще одной битве. Ему нужен был триумф силы и могущества его магии. Я поискал взглядом вождя зеленокожих и убедился в этом. Морда у главного гоблина была, ну впрямь, очень кислая. Его сузившиеся разъяренные глаза говорили о многом, лапы сжимали кулаки до бледнозеленых костяшек. Очевидно, шаман метил на место вождя в главенстве над племенем гоблинов и собирался устроить эффектное шоу из этого боя, а затем отдать корабль на разграбление, прослав еще и щедрым и не жадным новым вождем племени. Готов биться об заклад, что нынешний вождь себя ничем не обделял, как и свой ближний круг, отбирая львиную долю трофеев. Тут весы богини удачи Идонеи снова качнулись— шаман пропустил удар. Откуда – то сбоку ударил фаэрбол Врила. Он был совсем небольшим, и опалил черный бок аракнока, лишь разозлив шамана. Вождь гоблинов с напряжением глядел на поединок магов и скалился, показывая нехилые

острые зубы в пасти. Как я позже понял, он так улыбнулся. Это был хороший знак. Щеголь в красном колпаке и кучка приспешников, сгрудившаяся вокруг него, толпились поодаль, ожидая чья возьмет, безучастно наблюдая за битвой. Тилоин еще поддерживал мощь духа воды, но было видно, что это уже его предел. Очевидно наставник рассчитывал, что мощь элементаля переломит силу шамана. Он как мог помогал своими атаками, давя на изумрудный щит шамана, но зеленый был уж слишком силен. Шаман упорно держал щит, хоть это и давалось ему не так легко. То ли у него был запас силы, то ли он действительно был так крут, что мало по малу одерживал верх над элементом. Духу воды никак не удавалось пробиться через возведенный шаманом щит, и он медленно, но верно сдавал в размерах и мощи ударов по врагу. Мой разум лихорадочно заметался в поисках выхода. Надо найти достаточно мощное заклинание, что бы пробить этот проклятый щит. Аракнок тем временем тоже, не сидел сложа лапы, а плюясь липкой слюной уже успел опутать весь нос галеры прочной и клейкой паутиной, не давая стволу дерева окончательно соскользнуть с палубы. Спешно листая подаренный Тилоином конспект неизвестного аколита Академии, я нашел заклинание, на которое наткнулся совсем недавно. Правда, это заклинание было только для старших кругов Академии и считалось весьма опасным для неподготовленных учеников. Но выхода нет. Или я сделаю это, или мы все еще до вечера угодим

в котел – суп для гоблинов. Еще раз глянув на рисунок заклинания и зажмурившись, что бы лучше представить заклинание своим мысленным взором, я воссоздал его, напитав всей своей силой, которую смог собрать, и направил заклинание на цель, дожидаясь удобного момента. Шаману уже, видно, надоела эта возня и он взмахнул жезлом в сторону элементаля воды. Яркая зеленая молния сорвалась с его поверхности. Ударив в духа воды, она мгновенно испарила его, частично расплескав в разные стороны. Ну, настал мой выход, промелькнула у меня мысль. Я удерживал заклинание, готовое спустится с руки, как стрела с тетивы туго натянутого лука. Легкий хлопок и запах озона, как перед грозой, – светящийся пульсар отправился в полет на скрывшегося в водяной дымке шамана. Ослепительно белый шар сначала не спеша, затем быстрее и быстрее ускоряясь ударил в ствол дерева. От взрыва ствол дерева подбросило на добрый ярд вверх. Паук соскользнул, но все же успел таки зацепиться своими многочисленными лапами за ствол дерева, повиснув на нем. Из– за ярчайшей вспышки света у меня пару мгновений перед глазами мерцали яркие круги, а когда способность видеть вернулась ко мне, раздался отвратительный резкий звук – скрежет и треск падающего дерева, за которое уцепился аракнок. Шамана же нигде не было видно. Уже позже Крис рассказывал, что видел как шаман слетел со спины паука, как камень из пращи, и, кувыркнувшись упал в стремительные

воды реки. Поражение и исчезновение шамана как– будто стало сигналом к отступлению, введя в состояние паники одних и в ступор других гоблинов. Падение ствола в воду сняло с галеры лишний груз и она снялась с песчаной отмели. Капитан Янсен поспешно отдавал команды своими матросам, которые баграми и веслами отталкивались от не гостеприимного берега. Мы спешили убраться куда подальше отсюда, пока зеленокожие не опомнились. Взглядами полной алчной, бессильной злобы и какой– то даже детской обиды и недоумения, провожали нас взглядами оставшихся на том берегу зеленокожие. Их вождь в кроваво–красном камзоле и в красном же колпаке проводил нас пристальным, деланно равнодушным взглядом желто – красных глаз. Я же, еле держался на ногах. Перед моими глазами мелькали яркие белые мушки и синеватые круги, в теле была необычная слабость. Что бы поднять руку и смахнуть пот со лба, требовалось немалое усилие, ноги у меня подогнулись, и я привалился спиной к борту, что бы не рухнуть тут же на палубу. Ноги стали ватными, чья– то прохладная рука легла мне на лоб, сразу же стало легче, мысли стали более ясными, чьи– то руки подняли меня, а дальше я потерял сознание. Очнулся я от дикого чувства голода. Приподнявшись в гамаке, я вздохнул и пошевелил пальцами руки. Затекшие пальцы плохо слушались, но уже через пару минут кровь разошлась по телу и все прошло. Тут же сбоку раздался возглас: – А, уже проснулся соня, наконец

– то, а то ты уже третий день спишь. Вот выпей, полегчает, – сказал Крис, сидевший рядом за столом, уткнувшись в какую– то книгу. Сейчас учителя позову, и ,встав из– за стола, скрылся за дверью. Отхлебнув из чашки какой –то горький травяной настой, аж свело скулы с непривычки, я поставил чашку обратно на стол и прилег. Спустя пару минут пришел Тилоин. Поздоровался со мной, взял меня за кисть, посчитал пульс, достав из внутреннего кармана круглые часы с секундной стрелкой. Учитель создал огонек, заглянул мне в глаза, и произнес: – А ты еще и везучий, оказывается. Ведь от такой нагрузки и перегореть мог, выжечь себе весь дар, и неизвестно еще, что хуже,– уже себе под нос произнес наставник, подозрительно хмыкнув.– У тебя налицо сильное магическое истощение. Слыханное ли дело, без подготовки и инициализации создать мощный пульсар. Ты ведь по тому конспекту, что я дал, пытался заклинание применить? Я утвердительно кивнул головой, соглашаясь.– Без долгих тренировок, опыта работы и сродства с воздушной стихией это смертельно опасно, тем более без подготовки. Так можно и развоплотиться. Я возразил: –Я готовился, как вы и говорили – форма заклинания, каркас, наполнение его силой, толчок импульсом в нужном направлении. Да и само заклинание я точно воспроизвел, оно ушло как по конспекту, ” легко, без срыва потока, плавно и ровно, без искажения формы заклинания”, – наизусть процитировал я строчки из конспекта. Тут я осекся. – Что же мы

видим, учитывая твоё заклинание ? – иронически спросил Тилоин. – Тебя уже надо было бы с того света вытаскивать всей командой медиков магистрата, – проворчал он. – А он о контроле себе рассуждает. А сколько энергии влить в заклинание, ты подумал? Силу надо было учесть. Или ты сколько у тебя есть сил, все и использовал? Это было правдой, и сказать мне было нечего. – Должен тебя поблагодарить, – честно признался он. Если бы не тот удар, нам бы не поздоровилось. Думаю у тебя есть все шансы стать сильным магом, – сказал он. И помолчав произнес: – Хорошо что ты так быстро соориентировался. Ну ладно, вижу я тебя уже утомил. Вот держи, твой трофей, – и маг положил мне на ладонь погремушку, ту самую, которой размахивал шаман гоблинов, она была с изъёмом, трещиной на боку. Ну давай, выздоравливай поскорей, – и повернувшись вышел. Мало по малу я приходил в себя. На пятый день после столкновения с гоблинами я уже смог самостоятельно передвигаться по палубе, а ещё через пару дней присоединился к тренировкам, пока правда, только по медитации, которые Тилоин, несмотря ни на что, и сам до конца неоправившись, выложившись в том бою с шаманом, не прекращал тренировок, не давая спуску своим ученикам, заставляя их вылаживаться полностью. К сожалению были и плохие новости, полтора десятка гребцов погибли, как и десяток матросов, большая часть команды получила ранения. В основном это были

те, кто принял на себя главный удар, в особенности на носовой башенке и впереди смотрящие. Крупной потерей для капитана и всей команды стала гибель его старого помощника боцмана Гронда. Толпа гоблинов так и не смогла опрокинуть его отряд храбрецов, но мелкие и средней тяжести раны получили все, кто находился на носу галеры. Затем тот гигантских размеров паук. Если бы не Гронд, лично срубивший ему пару его прочных как камень лап, паучище мог и не свалиться, удержавшись на стволе дерева, так что исход битвы был на острие ножа, даже малое усилие было способно изменить весь ход битвы. Местность, где мы проплывали уже вынужденно сбавив скорость хода галеры, идя исключительно под парусом, снова изменилась. Синие горы, еще видневшиеся в туманной дымке, окончательно растаяли в дали, исчезнув из вида, как— будто их и не было вовсе. Лес вокруг тоже изменился, древние корявые деревья сменились на сосновый лес, с отличными корабельными соснами. Далее стали появляться первые признаки цивилизации и жилья: одинокие форты и усадьбы, кое— где виднелись замки, тут и там при обилии рек и ручьев виднелись мельницы и одинокие редкие хутора свободных поселенцев. Галера продолжала свой путь дальше по течению, ярко светило солнце. Сейчас шел месяц листопад. Кстати, год здесь составлял из 398 дней, по двадцать пять дней в месяце, по сто дней в учебной четверти, двести дней в полугодии. Экзамены проводились в Академии

Высокого Волшебства каждую четверть, после усвоения учебного материала лекций и практических занятий. Раз в году, именуемым в Академии кругом, сдавались выпускные экзамены на новую ступень. Готов ученик или нет— никого не волновало. Не сдал— будь готов, что тебя прокатят по новому кругу, за новую плату, разумеется. И, конечно, в новый учебный год проводилась церемония выбора, когда все те, в ком наставники обнаружили дар и способности, прибывали со всех уголков Соединенного Королевства и иных сопредельных стран в надежде научиться пользоваться своей силой, ну и найти свое место в жизни, как и призвание. На корме, где учитель читал нам законы и устав Академии, а так же землеописание, устройство нынешних государств и специальные курсы о культуре поступающим в Академию претендентам на звание ученика, ну, а со временем, и посоха мага. На южных землях Эсталии большинство людей к юго— западу от Бретонии обобщенно именуют Эсталией. Однако, для большинства людей, живущих на этих землях все выглядит совсем иначе. Они больше ссылаются на город, где родились, на улицу или квартал. Смешение людей от Пизанно до Велеции и от Гиени до Флоренци в один народ может быть приемлемо в другом месте, но никак в одном из этих городов. У каждого города свои правила. При не достаточном источнике аргументов в споре это может привести к драке и с вполне миролюбивыми людьми. Народ Эсталии очень горд своим происхождением. Они

утверждают, что были первыми людьми, кто поселился на континенте. Кроме Эсталийцев, видя поднятые для вопросов руки,— оговорился Тилоин,— никто другой это не воспринимает всерьез. Тем не менее,— продолжал маг, — было бы неразумно путешественнику обсуждать этот вопрос в пределах границ царства или города— государства. Даже некоторые крестьяне могут проследить свой род со времен до реконкисты— завоевания, хотя и не все это бывает правдой. Так, что не все можно принимать за чистую монету. Эсталийцы так же гораздо теснее связаны со своей родиной, чем люди в других частях старого света. Даже большие семьи продолжают жить в одном доме или домах стоящих рядом за долго после того, как их дети вступают в брак и заводят собственных детей. Некоторые улицы городов являются обиталищами одной семьи, распри среди разных семей очень частое явление. Тогда поднимается улица на улицу и весь город разделяется на сторонников одного или другого клана. Кроме семьи и места рождения у Эсталийцев очень строги взгляды на честь, гордость и смелость. Эти черты характера почитаемы. Поставить под сомнение чью— то честь так же опасно, учтите это,— поднял указательный палец вверх Тиллоин, заставляя запомнить это.— Это может привести к дуэли, удару ножом в спину в самый не подходящий момент бывшими друзьями. Ведущие себя бесчестно, считаются изгоями и даже игнорируются бывшими друзьями. Это говорит нам о том, что эсталийцы

очень стойкий народ. Они могут убить человека, казалось бы, из-за пустяка, кто по ошибке примет их за Талийцев или, даже, будет приветствовать их таллейским акцентом. Честь особо почитаема. С другой стороны, физический труд не очень почитаем Эсталийцами, даже среди тех, кто возделывает свое поле. Личные навыки не так важны, как деловые и особенно родственные связи. Особо ценится среди эсталийцев яркий образ жизни. Даже обычные ремесленники и торговцы тратят больше денег на одежду, слуг и праздники, чем это было бы разумно и необходимо. Одним из способов приобрести честь является покупка титулов. Многие дворяне попросту бедны, что бы принять подобное предложение. Этот путь только для самых богатых граждан. Другие пытаются привлечь внимание правителя, подавая ему не существующие документы, которые подписываются с приставкой дон. Они надеются получить любой ответ, даже если это всего лишь оскорбление. Это делается с целью хранения подобной переписки. К примеру, она адресуется дону Севильи. Кроме того, есть те, кто использует подкуп или шантаж для получения титулов. Это бывало приводило к тому, что некоторые влиятельные преступники имеют титулы. Влияние на жизнь мужества и чести означает, что многие готовы пойти на любые авантюры ради титулов. Они с энтузиазмом будут готовы присоединиться к любой группе авантюристов или к самым удачливым или громким приключенческим группам

прямо же на следующее утро. Однако они, как правило, теряют интерес, как только узнают, что приключения означают долгие пешие переходы, горные восхождения и громоздкое горное снаряжение. Хотя эсталийцы с пренебрежением смотрят на иностранцев, они честны и надежны по отношению к своим друзьям. Если иностранец стал другом эсталийца, он получит неограниченное доверие. Самый большой комплимент, который можно сделать иностранцу, это признать в нем эсталийца. Страсть в эсталии определяет все. Эсталийцев нельзя назвать безрассудными или склонными к самоубийству, но они предпочитают действие над мыслью и смелость над осторожностью. Эсталийцы ничего не делают на половину. Это еще одна из определяющих черт их характера. Они любят всем сердцем и готовы положить все свои силы на достижение цели. В Эсталии благоразумие и бережливость— признаки бедности, трусости, предательства или слабости. Они считают, что тот, кто сдерживается и подстраховывается, экономит силы для бегства в случае проигранной битвы. Однако ж это вовсе не говорит о том, что эсталийцы не думают о будущем. Они всегда думают о будущем и своем благополучии. Лучше умереть и иметь песни, спетые о вашей победе, чем жить с неудачей и бесчестьем. Знать— это вершина пирамиды власти. Самые главные в стране— это король или королева. Не важно, насколько может быть велико королевство. Эсталия— это сплошное лоскутное одеяло из

сравнительно крупных королевств, герцогств, маркизатов и графств, княжеств, а так же вольных городов и республик Велеции, а так же таких городов, как Пизанно и Миланно. Несмотря на их малые размеры сами эти города очень крупные, способные сравниться даже со столицей империи, а их население может достигать ста тысяч человек. Не говоря уже об их торгово– экономическом влиянии. Почти ни одна сделка не проходит без участия их банкиров и купцов. Эсталия– это место пересечения торговых путей в Синд– страну тысяч богов и Катай, и далекую Аравию. Все мыслимые и немыслимые излишества и роскошь, так же пряности и специи, благовония, фимиам, а иногда даже эльфийские товары бывают проходят через торговые пути купеческих республик и мелких княжеств. Короли и князья обладают почти что неограниченной властью. Жрецы Эсталии не отличаются от находящихся в империи или в соединенном королевстве и других частях Старого света. Храм Миридии имеет наибольшее влияние. Ее главный храм находится в Флоренции. Основная роль жрецов храма – это служба в качестве советников у правителей города– государства. Это так же можно увидеть и в Империи, хотя их реальное влияние гораздо больше. Немного помолчав, Тилоин продолжал: – Некоторые иерархи больше напоминают прожженных политиков. Они самоотстранились от своего храма, а иногда и совмещают религию и политику. Их редко можно найти в храмах,

но они готовы использовать все свое влияние, что бы способность достижению своих целей. Никогда, слышите меня мои ученики, никогда не переходите им дорогу. Они никогда, в случае с нами магами, долго не церемонятся, и кажется видят в нас если и не врагов, так соперников точно. Никогда не вмешивайтесь в их междуусобные интриги и дразги, сами виноватыми останетесь. Ниже их жрецов и аристократии по социальной лестнице стоят купцы и ремесленники. Самые крупные из них соединяются в гильдии и имеют такое же большое влияние как и дворяне, но они более осторожны в использовании своего влияния и без дела не высовываются, не желая привлекать к себе внимание высшей власти. Крестьяне и горожане составляют основную массу низшего класса, который находится в основании пирамиды власти, как, впрочем, и по всей территории Старого Света. Иностранцы же образуют самостоятельный класс. Поднебесная Империя, иногда называемая еще Империей Дракона, насколько известно, самое большое и загадочное образование во всей Ойкумене. Ее история по продолжительности превосходит любые другие королевства людей. Империя не монолитна, она скорее смесь многих народов под управлением императора Дракона. В легендарные времена первой и второй династии Хань ханьцы были единственным народом, живущим в бассейне реки Ян-джи. И поныне все крупные города и деревни Поднебесной империи населены народностью

хань, и нынешняя правящая династия так же является представителем народности хань. Но на окраинах империи в городах и деревнях, которые в основном занимаются земледелием или живут в горах, существуют и другие народности. В империи Дракона обширные бамбуковые леса, горные вершины которых вечно скрыты облаками. Здесь бескрайние поля трисовых посевов тянутся до горизонта, исчезая в туманной дымке. Растения в Империи хань произрастают в изобилии, а земля наполнена разными диковинными животными. К примеру, только здесь в Поднебесной иногда встречается крылатый дракон – священный символ династии Хань, охота на которого карается смертной казнью. В бассейне реки Ян-дзи земля до самого горизонта скрывается под тирисовыми полями, делящихся на квадраты, и идет так до самых великих гор Края Мира. Трудолюбивые земледельцы отвоевывают у предгорий часть земли, поднимаясь волнистыми террасами высоко вверх. В горных и холмистых районах тирис выращивают на склонах, иногда засевая весь склон или гору. Империя Дракона занимает уникальное место среди прочих стран. Она практически полностью отрезана от своих соседей по континенту и владеет при этом обширными плодородными землями. Границы Империи Дракона ограничены Ледяным океаном на севере, горами Края Мира – на Западе и Великим морем – на востоке. На юго-западе империя Дракона граничит с империей

Синда, так же называемой страной тысячи богов. Между ними неприступной стеной пролегают горы Края мира, и только немногие знают безопасные тропы и перевалы для прохождения столь опасного пути. По мере нашего путешествия на север местность мало–помалу оживала: то деревушка или городок, иногда, даже, вполне приличный, обнесенный каменной стеной город. И, конечно же, снующие во множестве по реке тут и там лодки, гондолы, парусники и другие не знакомые мне посудины. По поверхности реки плыли желто – красные опавшие листья. Как то раз, сидя на палубе и теребя колотушку шамана, я уронил ее, и она упав на палубу окончательно развалилась на части. С сожалением поднимая ее разбитые остатки, я дотронулся до нее. Ладонь на миг колнуло холодом, а затем я почувствовал легкое тепло и золотую искру, мелькнувшую меж пальцев, и ее касание согревающее меня словно изнутри. Спустя мгновение на солнце набежала туча, и наваждение пропало. За эти дни пребывая в компании Тилоина и его учеников я уже вполне свободно мог говорить без акцента на всеобщем, а так же писать на нем. Но, конечно же, в сравнении с письмом Криса, я все еще был отстающим, не говоря уже о идеальном каллиграфическом почерке Талиры. По реке сновало множество лодок, лодчонок, крупных галер. Стоя на палубе, я смотрел вдаль, где виднелось устье реки– выход в Тихое море. Гребцы, которые как я узнал, нанимались из свободного люда, но гонору им было не занимать. Они

с усмешками поглядывали на Талиру, которую время от времени укачивало, даже на вроде бы, спокойной воде. Что же будет, когда мы выйдем в море? Гребцы были голые по пояс, с хорошо развитой мускулатурой. В уши у многих были вдеты медные кольца. Основное внимание они уделяли массивным веслам и тому, что бы синхронно опускать их в воду, придерживаясь заданного ритма. По курсу галеры появился корабль, поражая своими огромными размерами так, что от одного его вида перехватывало дыхание. Его очертания неясно вырисовывались в дали. Корабль приблизившись, стремительно прошел рядом, очень близко от борта нашей галеры, как— будто не далее, чем в трех метрах от нас. Обогнав наше судно, он вышел на простор и расправил все свои огромные паруса. Поймав в них ветер, он стал быстро удаляться, исчезнув вскоре за горизонтом. Западный ветер набирал силу, ударяя в корму, он наполнил парус, и галера, вспенив форштевнем воду, без труда пролетела между маленькими островками, смертельно опасными для громоздких и не поворотливых судов. Когда устье реки осталось позади и стало медленно таять в дымке, моряки перевели дух и вознесли краткие молитвы своим богам – покровителям за безопасный переход. Следующий переход до столичного Амстела казался для моряков, по сравнению с уже произошедшим, приятным путешествием. Не многочисленные пассажиры, в отличии от команды галеры, впервые оказавшиеся на борту в

открытом море, перед лицом бескрайней водной глади испытали легкое замешательство. Меж тем юго – западный ветер, толкающий галеру в сторону Амстельской гавани, посвежел, набрал силу и поднял над бывшей до того момента спокойной водной гладью не высокие, но крутые волны с пенными гребнями. Началась бортовая качка. Если команда корабля и испытывала какое– то неудобство, то никак его не показывала, а вот пассажиры, что все как один попрятались в трюм, отсиживаясь в своих каютах, кое– кто даже лежа ничком на койках, пытаясь перетерпеть временную слабость и неудобство, заставшее их всего то в каком– то шаге от заветного конца путешествия. Парус с кормы,– послышался крик наблюдателя в вороньем гнезде на вершине главной мачты. Вскоре все уже увидели, точка на горизонте быстро росла в размерах и вскоре превратилась в Эсталийский Когг. Шел он круче к ветру и двигался намного быстрее нашего судна. Горделиво и важно покачивая двумя огромными парусами, он поравнялся с нашей галерой. Через несколько минут под восхищенными взглядами команды галеры он продемонстрировал нам плоскую, словно обрубленную корму, Когг стал быстро удаляться, исчезая из виду. Огромные паруса еще долго маячили впереди пока окончательно не скрылись из виду за горизонтом. Вскоре в дымке вечерних сумерек показались очертания берега. Ночь была лунная, и капитан, не боясь наскочить в темноте на берег, продолжил путь, подставив парус

попутному ветру. К полудню следующего дня капитан Янсен рассчитывал достигнуть, наконец, конечной цели нашего путешествия. Качка, так досаждавшая всем пассажирам, почти прекратилась. Пассажиры почувствовали себя лучше и стали выходить на открытую палубу. Шум воды за бортом между тем усилился. Капитан отдал команду, матросы забегали по палубе, исполняя его указания. Гребцы налегли на весла— взмах один, другой, третий. Гребцы с левого борта подняли весла из воды, на правом же борту они удвоили свои усилия, стремясь справиться с течением. "Ласточка" повернув, медленно вошла в один из рукавов, ведущих в Амстельскую гавань. На юте уже столпилось много народу, постепенно заполняя свободное место, прослышав о конце долгого и опасного пути. Постепенно туманная дымка рассеивалась, слышались ахи и вздохи удивления. Действительно, здесь было чему подивиться. Все водное пространство необъятного залива представляло собой самый настоящий лес, состоящий из бесчисленных корабельных мачт. Трудно было определить даже на глаз, сколько здесь собралось кораблей. Но в том, что их здесь были многие тысячи, не было никаких сомнений. Галера спустила парус и, медленно двигаясь по инерции, зашла в гавань. Все, кто промышлял торговлей и другого рода деятельностью, в том числе и каперством, собирались в группы по традиции именно здесь, на внешнем рейде, в дали от главной гавани. Организовывая большие

конвой, они отправлялись в рискованные путешествия по переменчивым, кишашим опасностями водам Неистового моря, опасного не только своим непредсказуемым характером, но и бесчисленными пиратскими ватагами. Едва слышным шепотом передавались из уст в уста слухи о морских дьяволах. Матросы при этом осеняли себя охранным знаком бога моря, отгоняющего беду и неудачу. При этом теребя на себе и другие всевозможных амулеты на удачу с совершенно серьезным видом. На лицах матросов был написан самый настоящий страх. Так что я не понял всерьез ли все эти разговоры или просто розыгрыш, или же они во все это свято верят. Обернувшись, я любовался открывшимся предо мной видом. Каких только кораблей здесь не было. Длинные и узкие, словно стелящиеся над водой галеры и похожие на них галеасы, санданиумы свирепых корсаров Келдона стояли на якорях в суровом гордом одиночестве рядом с пузатыми крутобоковыми кораблями из Пизанно. Многие из этих кораблей были так велики, что пассажирам, проплывающим на нашей галере, что бы заглянуть к ним на палубу приходилось задирать подбородки. Были здесь во множестве и корабли Империи и Эсталии, а так же Султаната Иссора и Суринамма, Империи Дракона, имеющие у себя носовые изображения головы дракона, а так же Бретони и сотен других более мелких городов – государств, вольных торговых республик. А уж местных гондол и мелких парусников, занимавшихся от

рыбной ловли до перевозок грузов и пассажиров на берег между бесчисленными островами архипелага Тай-нор, было как листьев в лесу. Капитан Янсен через долгих два часа с трудом отыскал свободное место и бросил швартовы возле большой военной галеры, в сравнении с которой наша “Ласточка” казалась просто игрушечной. Судно, судя по вымпелам с красным щитом и вставшими на дыбы львами, принадлежало одному из сопредельных государств. Мощь, благосостояние и богатство Соединенного королевства основывалось на ее почти что монопольной торговле с Востоком, на завоеваниях в Эсталии и Миленте на пути следования караванов на восток. На огромнейшем флоте, как торговом так и военном зиждилось могущество королевства. Реальной же властью обладал король— номинальный глава Соединенного Королевства, наследственная олигархия и крупные гильдии, входящими в Большой совет. Реальная исполнительная и законодательная власть сосредотачивалась в узком кругу Малого совета. По сути Соединенное королевство – это аристократическая торговая республика с олигархическим монопольным управлением. В ней господствовала купеческая верхушка. Во внимание принимались не столько знатность и древняя родословная происхождения старых домов, сколько богатство, накопленное на морской торговле или госслужбе и в многочисленных колониях, раскиданных в разных уголках Старого Света. Наконец матросы перекинули трап,

и, простившись с капитаном, Тилоин спустился с нами в ожидавшую нас шлюпку. На веслах мы отчалили к ближайшему пирсу. Мимо нас, насколько хватало глаз, были корабли и снующие во все стороны лодки и другие лоханки, непонятно как держащиеся на воде, их нагруженные до самых краев борта сидели в воде. Путь выдался не близкий. Только когда солнце стало высоко в зените и начало пригревать, мы, наконец -то, пристали к берегу. Невероятное облегчение и уверенность— вот то ощущение, когда ты снова оказываешься на твердой земле, а под ногами не раскачивающаяся палуба, а твердые булыжники мостовой. Тут же сняв экипаж, запряженный двойкой лошадей, маг назвал кучеру адрес, и мы тронулись в путь в сторону столичного города Амстелл. Город был просто огромным. Всякий спутник больших городов— толчея и огромное скопления людей, спешащих по своим делам. Но даже с такого расстояния, да и из любой другой стороны города можно было увидеть дворец и главный храм, который, как крепость возвышался вдали большим облаком. Нашему экипажу понадобилось не много времени, что бы добраться до места назначения. Нас высадили перед солидным трехэтажным особняком. Здесь нас встретили очень радушно. Седой старичок и двое мальчишек, явно бывшие прислугой. Они тут же помогли Тилоину снять свои дорожные сумки и унесли их в дом, следом отправились и все мы. Наконец, приняв ванну, в тепле и уюте отужинав

после долгой дороги опасного путешествия, мы сами собой заснули. Выспавшись и плотно позавтракав, мы все вместе пошли осматривать город. Амстелл производил очень приятное и величественное впечатление. Он был весь в мостах и каналах, со множеством гостиниц, ресторанов, пабов и других увеселительных заведений. Множество мелких магических лавок и торговых домов. Среди этой сверкающей и искрящейся красоты можно было бродить хоть целую вечность. И вот наступил день выбора. Тилоин, оглядев меня с ног до головы, вытащил из свертка темно синюю одежду и, не слушая моих возражений, приказал одевать, сказав, что это то малое, чем он может отблагодарить меня. Выйдя на главную улицу, мы направились к центру города, который больше обычного был весь заполнен толпами народа тоже желавшего поглазеть на церемонию выбора как на какой-то карнавал или торжество. Хотя церемония выбора и проводилась каждый год, она, видимо, не приедалась своим однообразием. Нас подхватил плотный людской поток, и, только держась за руки, мы смогли не потеряться в бурном людском море. Как-то нам удалось, сцепившись за руки и сжавшись вместе, дойти до площади Выбора. Благодаря Тилоину, знавшему город как свои пять пальцев, нам удалось добраться в целостности и сохранности до самых высоких врат Академии Высокого Волшебства.

Глава 4

На площадь Выбора выходил главный фасад Академии с разными замысловатыми и причудливыми барельефами и чеканкой. Главные ворота открывались лишь раз в году, в последний день месяца листопада, когда наступал день учеников еще называемый днем выбора. Город готовился к нему весь год. Готовились содержатели таверн и гостиниц, постоянных дворов и трактиров, владельцы торговых лавок и, конечно же, многочисленные купеческие и торговые гильдии, делающие звонкую монету на приезжем народе и состоятельных клиентах, не важно благородных или не очень – выгода есть выгода. Те же, кто стремился пройти через заветную арку Академии Высокого Волшебства, с раннего утра спешили на площадь Выбора. На площади собрались коло двухсот человек. В основном это были молодые мальчишки и кое – где девчонки, которые были здесь редкостью, а также несколько десятков взрослых мужчин. Все они съехались сюда, на площадь перед воротами Академии, с земель пограничных княжеств, Империи, Бретонии и северных королевств. Кое – где слышался говор Аквитании и зеленых островов Аландии. Конечно, надо было иметь дар, изначальную искру, составлявшую средоточение магического дара и силу мага. Немало странствующих магов, таких как Тилоин, искали по всему Старому Свету именно таких людей, что способны были

чувствовать незримую силу и потоки энергий великих сил, струящихся через наш мир. С заветными кольцами учеников и надеждой на шанс круто изменить свою судьбу и, чего тут стесняться, подняться наверх из серых, зачастую монотонных, однообразных будней обычной жизни на сказочную вершину могущества.— Все — таки удачно сложилось,— проговорил седой напарник Тилоина. — В нынешнем наборе опять снизили планку уровня прохождения,— услышал я его быстрый шепот. Наш наставник выразительно приподнял бровь. —Видно опять недобор, набирают из отсеянных прежде соискателей. Седой вздохнул и посетовал:— А как же иначе, одаренных хоть и не меньше, но искра у них едва теплится, того и гляди доживу и увижу как эта лавочка, наконец, прикроется,— улыбнулся седой. Вокруг гомон и толкотня, разговоры о чем угодно, но только не о выборе. Опасаясь спугнуть удачу, все говорили о ценах, торговле, политике, очередном набеге орды зеленокожих, сплетнях в соседнем королевстве. Кое— где виднелись яркие островки стаяк аристократов и нобилей в плащах разных цветов, на которых были изображены символы их домов, но даже между собой знать держалась отдельно друг от друга. Очевидно сказывались трения и вражда между отдельными домами. И вот прозвучали трубы, все на площади замерли. Церемония, как и положено, началась с первыми лучами солнца. За стенами Академии вновь прозвучали трубы. После ответного звука горна, створки ворот начали медленно открываться. Пло-

щадь озарилась восходящим солнечным светом. Толпа на площади замерла от восхищения, раздались первые восторженные возгласы. Церемония проводилась каждый год и, все же, не приелась своим однообразием. Наверное, магистры академии время от времени меняли детали церемонии, что бы не повторяться и поддерживать интерес у жителей города. Между тем распорядитель церемонии начал зачитывать названия факультетов и имен магистров, кто что возглавляет. Последним вышел ректор и на этом вступительная часть церемонии закончилась. Ректор вышел вперед из общего строя магистров и коротко приветствовал собравшихся на площади. Ректор оказался довольно высоким мужчиной с седыми висками и серьезным цепким взглядом. На первый взгляд ему было лет под пятьдесят. – Ректор, – прошептал кто-то сбоку возле меня, и опять все стихло. – Здравствуйте, очень рад всех вас видеть тут у наших врат познания, – раздался хорошо поставленный голос, усиленный магией, выдававший большую практику чтения лекций перед большой аудиторией. – Судьба привела вас сюда, и настало время сделать выбор и использовать данные вам богами силы во благо и на службу людям и нашему королевству. Вам представилась возможность, которая дается раз в жизни, не сомневаюсь в ваших талантах и силах, которые, впрочем, еще следует отточить в горниле опыта и мастерства. Магия – это великий дар богов, который тем не менее нуждается в огранке и знаниях, кои пылкий и острый ум постарается поставить себе на служ-

бу во благо всех людей во всей Ойкумене. А теперь ученики сделайте два шага вперед на площадь перед вами, снимите ваши кольца, данные вам вашими наставниками, положите их на открытую ладонь и представьте тот цвет и стихию, которые подсказывает ваше сердце и да помогут вам боги, что бы каждый обрел искомое и не ушел бы с этой площади в слезах и отчаянии. Ректор коротко отвесил полупоклон и отступил назад в общую шеренгу магистров. Опять звонко зазвучали трубы, и легкая утренняя дымка, освещенная первыми лучами восходящего солнца, придала чудесное и волшебное, щемящее чувство восхищения, восторга и волшебства разлитого в воздухе. Я же, как и другие самые нетерпеливые ученики, снял с правой руки, ставшее внезапно тяжелым кольцо, и положил его на открытую ладонь и так же, как и все, замер в ожидании. Кто-то молился, беззвучно шепча молитву и хвалы богам, другие просто неподвижно стояли, уверенные в результате, или много мнящие о себе. Паренек рядом со мной трясся мелкой дрожью, которую уже не мог скрыть. Чуть левее впереди несколько учеников, одной рукой держа кольцо на ладони, а другой осеняли себя символами, призывающими богиню удачи кинуть им счастливый жребий. Я тоже не без волнения ожидал развязки. И, впрямь, о чудо, кольца начали медленно подниматься над ладонями стоящих на площади и, плавно зависнув чуть выше голов учеников, остановились, другие вращались, плавно покачиваясь, сверкая и поблескивая своими боками в утрен-

ней прохладе нового дня. Напряжение нарастало у всех без исключения, как у тех, кто стоял на площади, так и у зрителей, следящих за церемонией выбора. Нервы учеников на площади были напряжены до такой степени, что на такие мелочи как прохладное утро, уже никто не обращал никакого внимания. Толпа за пределами круга выбора разразилась аплодисментами и восторженными криками. Люди в толпе да и сами ученики на разные лады затянули молитвы и прошения небожителем. Вот, краем глаза замечаю побитую жизнью немолодую женщину в простой накидке. Прикрыв глаза и сжав руки на груди, она истово молится о ком – то в толпе учеников. Вот целое семейство сгрудилось вокруг главы дома – дородного и немного тучного мужчины, уже в годах, с коротко подстриженной бородой. Пара мальчишек и одна девочка молча кого– то высматривали в толпе. Или вот, взгляд выхватывает мужчину аристократической внешности, явно волшебника, хоть и без посоха при себе. Он стоял абсолютно уверенно и непоколебимо, как соляной столп, игнорируя всех. Я проследил за его взглядом, чуть слева и впереди меня. Прямо таки чувствуется, что он уверен в исходе выбора, а всякие там мольбы и прошения к высшим силам– это не про него, он сам берет судьбу в свои руки и привык сам руководить ходом дел. Наконец, замечаю объект его интереса – красный плащ, не высокая девичья фигурка, золотистые волосы, тоже явно из благородных. Ну что же, посмотрим насколько тебе повезет, подумал я, глядя на ее алый плащ и

ладную, точеную фигурку под ним, на водопад золотых волос, перевязанных алой шелковой лентой. Отведя взгляд от девушки, замечаю учителя Тилоина и его седого спутника. По лицу вроде не видно, что он взволнован, но я хорошо уже успел узнать наставника. Его выдавали только глаза, в отличие от напарника, который без каких-либо эмоций недвижимо стоял рядом с ним. Тут и я вспомнил, что неплохо бы и самому, на всякий случай, перекинуться с богиней удачи парой мыслей, хоть я ее и не видел, мелькнула у меня шальная мысль. Но поздно, в этот момент краткая пауза закончилась, и ректор медленно поднял свой посох, настоящий боевой шест с крупным сверкающим адамантом в оголовье. Камень в навершии посоха ярко засветился, и всем на площади, тем, кто обладал хоть каплей силы, показалось, что от посоха как круги по воде пошли волны силы. Ректор выступил на шаг вперед, и сделал резкое, размашистое полукруговое движение своим посохом с ярко сверкнувшим на мгновение адамантом. И словно дуга призрачного пламени вслед за сияющим навершием посоха разлившись по площади. Словно лопнула нить, соединяющая кольца учеников и те незримые нити, на которых они висели в воздухе. Раздались восторженные крики, где-то радостные и ликующие, где-то полные боли и отчаяния. Разбитыми осколками надежд звучали звенящие, звонкие удары колец о каменные плиты площади тех, кто не прошел испытание. У тех, кому повезло, кольца плавно и торжественно опускались в ладони, превращаясь в

знаки учеников Академии. Кто— то радостно орал, прыгая и размахивая руками, кто— то стискивал в побелевшей ладони знак ученика, другие, не столь удачливые, падали на колени прямо там, где стояли, на каменные плиты двора, не в силах сдержать разочарование и горечь поражения злого жребия судьбы. И все же, как я огляделся, тех, кто не прошел, было не очень много. Из более чем двух сотен претендентов на обучение в Академии отсеялась едва ли десятая часть. То ли учеников не хватало, то ли магистры, и впрямь, решили понизить планку принятия учеников с более слабым даром, то ли еще отчего— то. Тем, кому не повезло, можно было попытаться свою удачу в следующем году. Они старались побыстрее уйти с площади, ставшей для них разочарованием. Остальные люди в толпе почтительно расступались перед не прошедшими церемонию выбора с не ложной почтительностью и уважением, видимо, понимая, что творится в душе у каждого. Ректор и магистры, закончив церемонию выбора, уже заняли свои места на помосте с длинной кафедрой, перед которой стоял огромный хрустальный шар. Рядом с шаром стоял сутулый мужчина в мантии и герольд с длинным списком в руках. Он что— то помечал в нем, видимо, вычеркивая из списка отсеявшихся учеников. С другой стороны, за отдельным низким столиком сидел еще один магистр, он что— то пересматривал на столе, то и дело сверялся поглядывая на хрустальную поверхность кристалла. Наконец, все было готово. Герольд начал зачитывать имена из списка. Ученик,

покидая толпу ожидающих своего вызова, становился перед собранием магистров, отвечал на вопросы, подходил к сверкающему гладкому кристаллу и возлагал на его поверхность ладони. Дальше мне было плохо видно из-за спин других учеников. Примостившийся сбоку писец, что-то старательно записывал в своих бумагах, а затем все повторялось, и новый ученик подходил на освободившееся место. Наконец, толпа начала редеть. Впереди меня вышла та самая девичья фигурка в алом плаще. Остановившись перед помостом, слегка поклонилась и стала отвечать на вопросы. Краем глаза я заметил, как впереди меня перед ректором и магистрами остановился тот самый надменный волшебник. Он коротко и важно едва поклонился перед советом. Видимо магистры удовлетворились ответом. Фигурка в красном подошла к кристаллу и по команде положила на него руки. Спустя пару секунд хрустальный шар дал ответ в виде яркого луча света, затем все исчезло, и поверхность кристалла стала пустой и прозрачной. Еще я заметил как наставник девушки надулся от важности, став как – будто еще выше ростом. И вот настала наша очередь. Герольд выкрикнул имя нашего наставника. Он вышел из рядов, и мы двинулись вслед за ним. Я оказался в самом конце очереди. Тилоин учтиво поклонился, представился перед советом и отошел немного в сторону. Первым перед помостом с магистрами оказался Крис. Отвечив на вопросы, он подошел к кристаллу, робко положил на него ладони. Шар почти сразу изменил цвет и, слабо мигнув,

сделался опять пустым. Следующим был Врилл. Подойдя к гладкому шару, он добился от него немного большего – искорка внутри шара была ярче и заметнее. Почти то же повторилось и у Аврилла. Парень чуть сжав губы и не глядя перед собой, вышел из круга перед кристаллом, и стал сбоку от учителя. Очевидно он рассчитывал на большее от своей искры. Тут я заметил мага, того самого, в красно– золотом плаще. На его лице проступила презрительно– скорбная полуулыбка. Учитель видел, но ему на это было сейчас глубоко наплевать. Вперед вышла Таллира. Высокая и серьезная, подойдя к магистрам и поклонившись, ответила на их вопросы. Я мысленно пожелал ей удачи. Именно с ней у меня возникло наибольшее взаимопонимание, да и по учебе она здорово мне помогала. Таллира остановилась у гладкой поверхности шара. Она внешне спокойно, осторожно положила ладони на его гладкую поверхность. Кристалл сразу же отозвался, ярко вспыхнув, пожалуй не менее ярко, чем у той девушки в красном плаще с напыщенным важным магом. Не без удовлетворения я заметил кислое выражение недовольства на внешне спокойном и невозмутимом лице надменного мага. Он будто кислый лимон надкусил. Кинув взгляд на учителя, я понял какой груз с плеч он сбросил. Тут я осознал, что все вокруг смотрят на меня. Выйдя вперед, я поклонился. Назвав свое имя, дождался кивка ректора и подошел к огромному кристаллу. Вблизи он был куда больше, чем издали. Мои ладони коснулись гладкой и почему– то холодной

поверхности шара. Холод передался и мне, ладони обожгло холодом. Кинув взгляд чуть в сторону, я увидел, как маг сбoku у кристалла, такого же, но поменьше, что— то вглядывался внутрь, стараясь ничего не упустить, и по ходу записывал все увиденное. Внутри кристалла, переливающегося хороводом искорок, вспыхнул яркий луч, будто кто— то подставил под солнце осколок зеркала. Меня ослепило яркой вспышкой, и кристалл снова стал пустым и холодным, лишь внутри вели свой танец едва заметные глазу крохотные искорки света.— Ну что же, я в тебе не ошибся. Давай, ваши уже собираются в главном зале. Там вам вводную лекцию будут читать. Пора прощаться. Удачи тебе Алекс. Простившись с наставником, я ускорил шаг, стараясь догнать последние ряды учеников у врат Академии. В зале собравшимся рассказывали о правилах поведения в Академии, о факультетах и кафедрах. Сперва все посещали факультет общей магии, а дальше— стихийные факультеты и кафедра землеведения. После поступления и вводной лекции началась обычная студенческая суета: заселялись по выданным номерам и спорили из — за коек. Здесь они, как и в поезде, были верхние и нижние. Кто— то не мог терпеть верхние, а мне было в самый раз. Все нижние койки для первокурсников были уже заняты. Свою нижнюю я уступил Тиммону, поскольку я был рад и верхней. На каждой пустой кровати лежали чистые простыни, подушка и полотенце. Напротив окна стоял длинный стол и два стула. Пришлось повоевать с интендантом и, вдобавок, отсто-

ять длиннейшую очередь за учебными принадлежностями. Делить комнату мне пришлось с тремя учениками. Тиммон выглядел очень юно, я был старше его на несколько лет и выше. Лицо и неуверенные движения выдавали в нем совсем юного мальчишку.— Здравствуй, я— Алекс.— Привет, я —Тиммон. Давно уже здесь?— Я покачал головой: —Только что поступил. — А, новичок, пойдем покажу, где тут все. Пошли, а то на обед опоздаем,— поторопил он меня. Мы прошли вдоль аллеи с клумбами и роскошными кустами роз. — Ты осторожней с магистром Арвусом,— между тем на ходу поучал меня Тиммон.— Он очень дотошен и пылинки сдувает с каждой книги,— покачал он головой, что— то вспоминая.— Он уже не одного студента отчислил за небрежение и неосторожность в работе с архивами. Неважно насколько ты умен, талантлив или знатен, когда дело касается книг, неважно каких, лучше подойти ко льву, чем испытывать терпение Арвуса. Ну, вот мы и пришли.Свернув за угол, я увидел двухэтажное округлое здание с большим количеством окон.— Ладно, давай устраивайся, еду дают три раза в день, и выдают ее по жетону ученика. Ну, да здесь не сильно роскошно, но зато бесплатно. В прошлые времена за все взималась плата, хоть и небольшая. Все же хоть крыша над головой, и кормежка так ничего себе,— пожал он плечами, как бы оправдываясь. —Ничего, в самый раз,— махнул я рукой. Тиммон кивнул:— Давай найдем старшего и запишем тебя, заодно твой номер жетона в столовой запишут. Само здание общежития было пяти-

этажным, сложенное из темного грубого камня с несколькими корпусами. Умывальни находились в самом низу на первом этаже. На обед была незнакомая мне водянистая похлебка с хлебом и пара зажаренных ломтиков картофеля с тонкими полосками бекона. Длинные столы из не совсем плотно пригнанных досок были заполнены, примерно на две трети. Всего же студентов набралось чуть больше сотни. Столовая наполнилась гулом рассказов и слухов, вперемешку со стуком ложек и вилок о дно тарелок и подносов. Тиммон повел меня в один из дальних углов у небольшого окна возле стены. Пара учеников, оторвавшись от своей трапезы, подняли на нас глаза, когда мы подошли к их столу.—Ребята, у меня новый сосед по комнате— Алекс. А это,— он сначала показал на одного, потом на другого,— самые невезучие или, может, самые упрямые ученики Академии— Тавин и Виленн. Они самые безнадежные на нашем курсе,— закончил Тиммон с ухмылкой. —А, уже видел тебя на вводной лекции, — он был тем самым темноволосым учеником, который показывал и рассказывал только что прибывшим ученикам, куда идти и где какие помещения находятся. — Добро пожаловать. Тавин глянул на меня без особого интереса и кивнул. Он был уже в возрасте — лет под сорок. —И сколько же ты уже тут, если не секрет?— Да, он, почти, столько же тут в Академии, как я и Вилен вместе взятые,— пробормотал Тиммон занятый обедом. Тавин скептически заметил:— Ну, уж нет, я тут дольше, чем вы оба на свете живете.— И все еще на третьем круге,—

между делом уточнил Виллен, с легким сарказмом в голосе. – Так в этом и весь смысл, – с воодушевлением подхватил Тавин. Это то, чего вам никак не понять. Вы еще горько пожалеете, если выйдете за третий круг на новую ступень. Уж, я такого навиделся: гора амбиций и надежд, а заканчивается все одинаково, уж можете мне поверить. Все заканчивается только одним – выше плата и нервы, да переживания – вот и вся разница. – Ну, а мы хотим, получить жезлы подмастерьев и побыстрее, пока не успели состариться здесь. – Ха, подмастерья? Одно другого не лучше, – проворчал Тавин, работая ложкой. Да, беда одна и та же. Ну, будете вы с никому не нужными жезлами, и ничего существенно не изменится. Только плата у вас за обучение будет начинаться с дюжины полновесных солов, и не за круг, как сейчас, а за каждую четверть и, дай боги, что бы так все и осталось, – уже сам себе под нос проворчал он. Беседа становилась все интереснее. Я прикинул, что эта тема ходит тут уже давно и не по одному кругу. – Как у тебя? – немного не терпеливо спросил Тиммон у Виленна. – Двадцать три и семь, – немного ворчливо обронил он. Тиммон так и застыл с открытым ртом, не донеся ложку до рта. – Во имя Талии – богини мудрости, что случилось? Ты что стащил у кого то из них колпак? – Да так, недосчитал кое – чего, – невозмутимо мрачно буркнул Виллен, желая замять эту тему. Мераг загонял меня по арифметике и переводах из Астурийской в Тилейскую валюту. На этом и погорел, – сказал он доедая суп. – Мое сердце

безутешно скорбит по тебе, – с иронией проговорил Тиммон, – особенно после тех твоих шуточек в первые две четверти. – А у тебя сколько за эту четверть? – поинтересовался Тиммон у старожила Академии. Тавин глянул на него и выдал: – Пять и два, – и довольно осклабился. Вилен лишь тихо выругался на свою злую удачу. Я тут же спросил, желая развить тему: – До меня доходили разные слухи, и часто у вас тут так цены задирают? – Нет, если ты достаточно умен, и имеется голова на плечах, особенно если наверх не рвёшься, там, где оплата выше, – пробурчал, поглощая свой обед, Тавин. – Только нобильям, да аристократам – бездельникам, – скороговоркой произнес Виленн. Таувэриш бездельники, дворянские сынки, которым нечем заняться тут, вот им – то и завышают плату. Наверное им назначают такую высокую плату только для того, чтобы они ходили и жаловались на это, да все это без толку, – вяло махнул он рукой. – Мне без разницы, – ровно сказал Тавин. Пусть дерут с них сколько хотят, главное, что бы мне не повысили плату. Я вздрогнул, когда с другой стороны стола грохнул поднос. – Что ж, очевидно речь идет обо мне. Я поднял голову. Это был стройный, высокий, красивый, молодой человек с зеленоватыми глазами, гладко выбритый, с высокими скулами, щеголевато одетый в яркие шелковые одежды. На поясе у него висел короткий кинжал с причудливой резьбой у рукояти. Я то думал, что в Академии оружие запрещено. Это было первое оружие, которое я увидел за все время нахождения в этих стенах. –

Савьен ?– недоверчиво спросил Тиммон.– Что ты тут делаешь? –Да, я сам задаюсь тем же вопросом. Он посмотрел на неровную скамью. Здесь нет даже стульев. Савьен изящно и грациозно сел, как кот, сочетая оскорбленное достоинство самим фактом нахождения здесь в этом месте.– Прекрасно. Что же дальше? Я буду есть, как варвар с ледяных гор и кидаться костями.– Правила этикета никто не отменял, но было бы интересно посмотреть,– со смехом в глазах произнес Вилен. Глаза Савьена лишь сузились, но он сдержался.– До чего же я докатился? Скоро я буду обедать в столовке и спать в трущобах.– Что, все настолько плохо? Ведь в прошлый раз ты был, вроде, доволен? – спросил Тиммон. Ты же ведь поступил на пятый круг, ведь так? Что случилось ?– переспросил Тиммон. – Моя плата с сего дня пятьдесят два золотых лидора. Во имя Талии богини удачи, как так может быть? – возмутился Савьен. Это много?– спросил я у Вилену.– Это много, – язвительно передразнил меня Савьен. И, что самое обидное – совершенно безо всякой причины. Я ответил на все их вопросы, несмотря на придирки ко мне со стороны Хейда и Казра. Мне не в чем себя упрекнуть. Не понимаю, как так вышло,– продолжал негодовать он. И тут же сам и ответил:– Это не что иное, как зависть и грабеж. Все просто и ясно. Хейд – эта крыса меня ненавидит, а Казр просто завидует и оба мечтают как бы еще в чем– то меня завалить. Кроме того, всякий знает, что все они, каждый из них желает выжать из нас благородных все до самого последнего медяка.

Всяко больше, чем из вас, кто над каждым солом трясется. Вон Вилен благородный,— Тавин указал на него ложкой. Но видно, что и сам имеет голову на плечах и неплохо идет вперед для новичка. Савьен процедил глядя на Вилену: — Благородный, это как посмотреть. Отец Вилену — герцог, правящий пряничным королевством, кланяющийся бешеному бастарду с короной на голове. Вилен слегка хмыкнул, но ничего не ответил. Но его серые глаза слегка гневно сузились. И прежде, чем кто— то сказал хоть слово, Савьен виновато ссутулил плечи и тяжело вздохнул.— Прости Вилен, приношу свои извинения за неподобающие слова. Все никак не пойму, в первой четверти все шло лучше, а стало просто не выносимо. Траты на мое содержание не покроют даже и половины той суммы, что мне выставили за обучение, и теперь никто из менял не горит желанием дать мне в долг. Знаешь, как это унижительно? Мне пришлось съехать из моих комнат в золотом драконе. Я сей час делю комнату с каким— то сельским провинциалом,— он негодующе глянул на нас. Видимо, это должно было нам все сказать в каком он положении. Савьен покачал головой :— Что бы сказал мой отец, если бы увидел это. Доедающий свой обед Вилен только пожал плечами на это и сделал вольный жест кистью руки, который, наверное, означал, что он не помнит обиды.— Так чего же проще,— высунулся с фразой Тавин,— не наряжайся, как на смотр к королю, лучше снимай все шелка и золотые побрякушки, когда идешь на экзамен. И всего — то делов. Но лучше б он этого не

говорил. – Как это?– с гневным пылом спросил Савьен. – Я, по -вашему, что должен унижаться ? Мне, что ли кататься в пыли или посыпать голову пеплом, ходить в лохмотьях? От ярости и страсти в его голосе стал более заметен мелодичный акцент уроженца Эсталии. – Ну уж нет, никто меня не заставит, ни один из них не выше меня. Мне нет нужды кланяться. На какое– то время за столом установилась напряженная тишина. Краем глаза я заметил, что ученики за ближайшими столами наблюдают за этим представлением. – Хила– теи,– проворчал тем временем Савьен. Здесь у вас нет ничего, что мне было бы интересно. Погода у вас однообразная, мерзкая и холодная, религия лицемерная и ханжеская. Дамы, да и шлюхи тоже, дурны и не выносимо скучны. А язык груб и едва ли способен передать какое это унылое и хмурое место. Голос Савьена становился все тише и невыразительней, под конец он уже как– будто говорил сам с собой. Родословная моя и моей семьи уходит далеко в глубь веков на полсотни поколений. Они старше этих стен. Как я пал до такого. Он поставил локти на стол и хмуро воззрился на свой поднос. Как будто там и крылись все его тайны. – Дешевая похлебка и хлеб с отрубями, – он скривился как – будто укусил кислый лимон. Не знаю, о чем я раньше только думал ?– вскрикнул Савьен, вскакивая на ноги. Я не могу так больше жить. И он выскочил из– за стола, уносясь прочь из зала. – Да это в его стиле, но это не худшее его представление,– произнес Тавин проважая его взглядом. Для таких богатеньких сынков

он еще не так плох,— сказал Виллен, явно сочувствуя Савьену, видимо зная как тяжело иностранцу прижиться и привыкнуть к языку и культуре, да и к погоде Соединенного Королевства. — Он Тилиец?— спросил я.— Ха, большего Тилийца, чем Савьен, тебе не найти. Да, по— видимому, для него наступили и впрямь тяжелые времена,— протянул задумчиво Тиммон. Его поддержал Виллен: — Помните в прошлом круге ему пришлось отпустить всех своих слуг. Тавин выразительно закатил глаза и напустил на свою физиономию фальшивую безутешную скорбь.— Как же так, ведь как он говорил, ответил на все вопросы, с чего такая дикая сумма? Виллен привычно пожал плечами, поднимаясь уже из за стола. — Ну, в этом нет ничего удивительного,— заметил голос у нас за спинами. Мы в недоумении обернулись. Перед нами стоял высокий худощавый парень, лет под тридцать. Он ничем не выделялся из толпы остальных учеников. Только вот на его поясе висел короткий жезл подмастерья. Только пройдя все десять кругов, можно было претендовать на жезл подмастерья, да и то, если ты заинтересовал своими способностями кого— то из магистров и стал его учеником. — На экзамене,— продолжал тем временем подмастерье,— этот разодетый в шелка павлин не показал ничего стоящего,— с пренебрежительным жестом махнул он кистью руки в воздухе. — Парочка иллюзий да несколько простых плетений воды, средний дар и еще более слабые умения в управлении потоками, — вот собственно и все, что стоит упоминания. Это ну ни как

не тянуло на экзаменационную демонстрацию перед советом магистров, да еще и при переходе на следующую пятую ступень. Незнакомец повернулся, что бы уйти, как вдруг, полуобернувшись, бросил нам через плечо:— Мой вам совет, ребята, — хотите пройти на пятый круг— удивите чем-то совет, а не то ходить вам в учениках очень долго.— Слова этого незнакомца надолго запали мне в память. Но была большая проблема, чем же таким удивить выдавших виды магистров Академии ?

Глава 5

Как я смог себе представить, сначала шли всеобщие дисциплины, например, историография Старого света, сопредельных земель и разумных рас ее населяющих. Краткий курс об их обычаях и повадках, а так же какой магией они владеют. Затем шла более расширенная версия, рассматривающая каждую расу в отдельности, особое внимание уделяя старшим расам— эльфов и гномов. Так, что первый восторг от поступления в Академию у меня прошел, и что больше всего досаждало, так это, нескончаемая писанина в конспектах. Я все еще не мог угнаться за остальными учениками, что иногда вызывало ехидные улыбки, порой полупрезрительные взгляды со стороны учеников, видящих во мне неотесанного деревенщину. Что же до аристократов и знати, то я для них, как и впрочем и остальные ученики, был пустым местом. Они нас просто не замечали. Тут, на общей лекции для нескольких потоков я и увидел девушку в красном плаще

с золотыми волосами, ту самую, что была на площади Выбора. – Можешь не заглядываться на нее так, – сказал мне один из учеников тоже, видимо, из благородных, очевидно, неправильно истолковав мой интерес к ней. – В смысле? – переспросил я. – Она птица высокого полета и, поверь, тебе она не по зубам, да и мне тоже. Так что выкинь пустые мечты из головы и примись за учебу, тебе с ней не по пути. Хорошо, что на галере я прошел предварительное обучение, и мне не пришлось начинать с основ арифметики и письма. Большинство учеников все таки имело этот базис, а кто нет – тот оставался на следующий круг по новой, куда не сдавал экзамен. На этом основании и велась учеба. Хотя сынки из знатных семей и имели более высокое образование, а зачастую и предварительную подготовку с частным магом, но позволить себе это могли только, весьма богатые и обеспеченные аристократические семьи. Практически с первого по третий курс, к моему да и к всеобщему разочарованию, шла одна только теория, иногда только прерываемая демонстрационными показами и упражнениями по медитации и проверкой потенциала искры. Фактически до реальной магической практики нас до третьего круга не допускали. Теория и только теория: умножение, деление, геометрия и ... Как мне подсказал Тавин, из общей массы, магистры выделяли самых способных и перспективных, подающих надежды учеников. Ну а дальше уже шел водораздел, самые способные, с сильным даром, допускались до подмастерьев, а далее все зависело от кон-

кретного ученика, от его умений и способностей, но и в не малой степени и от усердия и яркой искры. Ну, а те остальные, кого боги обидели тусклой искрой и слабым даром, то им приходилось умерить свои амбиции стать великим волшебником или волшебницей. Все те, кто остался за бортом, у них все равно был неплохой выбор. Столица Соединенного королевства казалось могла вместить всех. У учеников был шанс устроиться в артефакцию, алхимиком, так же почетом и немалым уважением пользовались целители, в особенности, те, кто в совершенстве овладел даром исцеления. Еще одна ниша – это сиалдри, или иначе – рунные атрефакторы. Артефакция очень близка к инженерному делу и магии вещей. Законы ее используются для создания предметов, обладающих магией. Применяется так же система рун сиалдри. Так создаются вещи с магическими свойствами, которые могут использовать люди, не имеющие магии в повседневном быту. Для создания чего– либо нужна схема. Это могут быть как и старые схемы, изобретенного давным – давно, которые просто копируются, а так же совсем новые изобретения. Затем из необходимых материалов путем сложной и кропотливой работы создается предмет – артефакт. Далее на него наносятся руны сиалдри и младшие руны. Это очень кропотливая и сложная работа. Занимаются нанесением рун только ученики, достигшие высот мастерства за годы кропотливой работы в артной. Ведь из– за любой ошибки мастера работа будет испорчена, материалы и ценные металлы будут по-

трачены зря, и все придется начинать заново. Для занятий артефакцией, помимо знаний сиалдри, нужно уметь смешивать сплавы, писать по металлу и резать камень, а так же иметь искусные и ловкие руки. Гораздо хуже, если произойдет случайный взрыв или пожар, так что это еще и опасно. Студенты изучают артефакцию в особой мастерской – артефактной, где и создают свои устройства и диковинки, которые могут показаться неискушенному обывателю не просто удивительными, а прекрасными произведениями искусства. Знающие же понимают, что при создании этих вещей применяются определенные законы. Эти предметы чаще всего и представляют собой главный источник доходов для Академии и выставляются на продажу во всех уголках Старого света и далеко за его пределами. На этом и студенты хорошо зарабатывают. Новички, посредственные, бесталанные ученики работают над мелкой, самой простой работой: простейшими заготовками, массовыми устройствами, лампами, стеклами и так далее. Более способные трудятся над более сложной работой – нанесением рун на предметы для магической связи. Ну, а самые одаренные и талантливые создают свои собственные изобретения и устройства. Тавин криво усмехнулся, проворчав, что такое все же и случается, но крайне не охотно магистры дают возможность создать что-либо новое, так как все новое зачастую не совершенно, а порой и опасно. Главное, что спрос на предметы, созданные в Академии, год от года растет, не важно, что это свет – лам-

пы, жар— печи или что еще, но за это платят полновесную монету. Так что никто не заинтересован менять уже отработанное на что— то новое на свой страх и риск.— Их тоже можно понять,— уже более спокойно и рассудительно сказал Тавин.— А кто заведует артефакцией?— спросил я. — Магистр Квирен, он глава всех артефакторов в Академии и один из самых искусных артефакторов во всем Амстеле. Конспекты, книги, формулы, малейшая не точность в жесте или слове, да что там— в интонации, вели к тому, что ничего не произойдет. Так в большинстве случаев с нами — первочетвертниками и происходило. Порой, бывало, мы отчаивались, гадая, есть ли, вообще, в нас искра магии. Потом попривыкли и начались практические упражнения. Нас учили видеть лей — линии, места силы, плетения магии — это как работать с солнечными лучами, ставшими вдруг осязаемыми, слово, жест, мысль — все это должно делаться чуть ли не одновременно в определенной последовательности. Так говорил нам на лекциях напыщенный и важный магистр Тилд. Многие за глаза сравнивали его с индюком из— за некоторой тучности и манеры говорить в нос, а так же вечно всем чем— то не довольным. Так вот, он упрямо, наверное уже в сотый раз, объяснял он нам: — Форма, он же каркас заклинания, удерживающий силу, затем наполнение этой формы энергией — силой, затем импульсом— командой ее активация в нужном вам направлении движения. Вот так все это вместе и работает разом — слово, жест, мысль. Тут, он показательно одним

слитным, размытым движением кистью создал внушительных размеров фаэрбол. Я едва успел почувствовать колебания силы, и вот спустя секунду, как фокусник – раз и готово. Магистр Тилд, дав нам насмотреться вдоволь, импульсом метнул огнешар в мишень на краю арены, вызвав небольшое пламенное облачко разлетевшееся снопами искр во все стороны. Это должно у вас выработаться рефлексивно, не задумываясь, на одних инстинктах. Вот тогда вы будете чего–то стоить как волшебники. Так я втянулся в суматошную, кипучую студенческую жизнь, и, если в первые несколько месяцев я изнемогал под бешеным ритмом занятий и лекций, то сейчас как–то по привычке к этому. Мало–помалу жизнь на новом месте налаживалась и входила в привычную для меня колею. Утро начиналось с подъема и завтрака, далее лекции, а потом перерыв, затем опять лекции, затем обед и практические занятия по усвоению материала, рабочие занятия в артефактной и ужин, ну, и зубрежка заданного материала. В году здесь, то есть в обороте, было 398 дней, шестнадцать месяцев, по двадцать пять дней в каждом месяце, по сто дней в четверти и те же, что и у нас четыре сезона: зима, осень, весна и лето. Каждую четверть проводились экзамены по усвоенному материалу, а каждый оборот – выпускные экзамены на новый круг, то есть ступень. Они – то и были самыми важными и тяжелыми. Вот так мы и существуем – постоянные экзамены и лекции, да еще практические занятия, подработка в артефактной. И, конечно, самым лю-

бимым предметом являлась магия, безо всяких формул или нудной писанины. На демонстрационных уроках по практической магии, что появились у нас совсем недавно, магистр Олдан, бывший, по слухам, боевым магом в одной из гильдий, преподавал у нас на кафедре боевую магию. В нем была настоящая одержимость к боевому искусству магии, выражающейся в настоящей феерии пламени. Он демонстрировал нам огненные шары и огоньки, светляки не больше горошины и более крупные фаэрболы, а так же другие многочисленные, как бисер, огоньки, которые всегда заставляли любую аудиторию учеников замирать от восторга. Мы все наслаждаясь той картиной, что была перед нами. По глазам у каждого читалось, что вот это и есть та вершина, на которую и стоит равняться. Увы и ах, следом за этой демонстрацией последовали практические занятия, принесшие одни лишь сплошные разочарования. Наш наставник, вечно всем не довольный, ни в гран нас не ставил. Вызывая очередного студента на корт, он тут же требовал переходить к практике, предварительно спросив, проходили ли мы вводный курс пасов и жестов на лекциях. Дождавшись нестройного гула голосов, он тут же вызвал первого попавшегося на корт и приказал ему создать светлячок. После нескольких попыток подряд со стороны ученика, так ни чем и не закончившихся, отправил его обратно за стол. Он начал вызывать уже всех подряд, но результат если и был, то не многим лучше. У кого-то получилось создать искру, еще одному студенту уда-

лось и того меньше— искрящиеся ладони, вот и все. Одна девочка с каштановыми волосами и зелеными глазищами, со всем еще юная, вызвала с ладоней настоящий водопад мелких искорок, из которых самые крупные напоминали мелкие горошинки. Но ее тоже на долго не хватило, и после пары попыток она села на свое место. Когда очередь дошла до меня, то и я тут не блеснул. То ли напряженное внимание класса, то ли угрюмый скептицизм Олдана подействовали, или что еще, но пару светящихся некрупных горошин да хилый светлячок, почти сразу потухший, вот и все. Правда, на следующих занятиях я уже смог держать светляк с размером с крупную вишню, не отвлекаясь на концентрацию внимания. Каждый раз Олдан говорил нам, что вызывать такое простейшее заклинание надо одним лишь щелчком пальцев, что тут же нам и демонстрировал. —Что не менее важно,— заметил нам Олдан, — создавать плетения нужно с как можно меньшим возмущением силы. Заклинание, когда оно выполнено правильно, сходит гладко и плавно, что говорит о сильном даре, яркой искре, и потенциале. Затем, когда дела у нашей группы пошли на лад, учитель усложнил нам задачу. Пришлось, поддерживая светляка, заставлять двигаться его зигзагами или змейкой, порой преодолевая препятствия. Я начал первым. Мой огонек плавно поплыл передо мной, огибая препятствия. Затем он слегка задрожал и поплыл в сторону от меня, но не мигая и не прыгая, что говорило бы о недостаточной концентрации и самоконтроле наложившего заклинания.

вание. Почти всему классу с большим или меньшим успехом удалось вызывать светлячки и пройти с ним через полосу препятствий. Чем ближе становились экзамены в новой четверти, тем интенсивнее у нас были занятия и зубрежка материала. Близилось время экзаменов первой четверти. В основе своей это была просто проверка усвоенного лекционного материала за весь оборот. Так по крайней мере рассказывал нам сторожил Тавин. Сами экзамены проходили буднично и просто. Той суммы, что оставил мне на прощанье мой наставник в семь солов и двенадцать медных толов, показавшихся мне тогда просто громадными деньжищами, просто не хватало. Последний оборот каждой четверти в Академии был предназначен для экзаменов. Занятия и лекции отменялись, и весь день магистры посвящали принятию экзаменов. Сумма и величина оплаты за следующую четверть зависела только от твоих знаний и от того, насколько тебе повезет, какой сложности будут задаваться вопросы. Довольно много зависело от короткого собеседования. Не правильный или не точный ответ, на несколько вопросов могли легко удвоить, а то и утроить твою плату за обучение в следующей четверти. Я окончил первую четверть легко, с оплатой в один серебряный сол за следующую четверть, что было довольно хорошим результатом по сравнению с остальными суммами, назначенными другим ученикам. Вторая четверть шла своим чередом. Дни и недели летели за окном, пошли новые лекции с еще большим уклоном в сторону практиче-

ских занятий. Главное здание было самым большим и самым старым изо всех корпусов Академии. За более чем пять столетий своего существования оно медленно расширялось во всех направлениях, постепенно включив в себя весь центр старого города. Со скверами и аллеями оно с высоты птичьего полета имело вид звезды с восьмью лучами. При таких размерах найти нужную аудиторию было совсем не просто. Старшие ученики знали короткие пути в нужные места, дальние залы и помещения. Наше новое занятие проходило в главном зале Академии, так как никакая другая аудитория не вместила бы в себя столько учеников с разных потоков. К счастью, мои однокурсники заранее предупредили меня, и я знал короткий путь. В итоге я пришел даже немного раньше большинства остальных учеников. Найдя нужный зал, я с удивлением отметил, что он по форме напоминает римский амфитеатр. Скамьи шли полукруглыми ярусами, возвышаясь одно над другим перед центральной небольшой сценой, поднятой на возвышение. Я пристроился, найдя себе местечко в одном из средних рядов, наблюдая как зал начинает медленно заполняться. Большая часть учеников была примерно одного со мной возраста. Бегло подсчитав, я отметил, что в аудитории собралось около двух сотен студентов. Зал был заполнен на три четверти и продолжал наполняться все быстрее. У всех учеников с собой были перья и бумага с чернилами в медных флаконах. Магистр Толдвин вошел в зал и, поднявшись на сцену, сел за стол из каменного

дуба. В черных одеждах магистра он выглядел весьма внушительно и представительно, одним словом солидно. Почти сразу после нескольких секунд перешептываний зал замер в выжидательной тишине. – Так что же, вы хотите стать волшебниками? – начал свою речь с вопроса магистр. Хотите научиться той магии, о которой вы так много раз слышали в сказках и песнях. Вы наслушались сказок и сплетен бродячих бардов. Он покачал головой. Магия – это, прежде всего, выверенные формулы, контроль за энергией и, прежде всего, контроль над самим собой и своим телом, а так же над своими эмоциями. После непродолжительной паузы магистр продолжал: – Итак, вы, наверное, хотите узнать, что же такое магия? Во – первых, – поднял вверх указательный палец магистр, – очень важно знать различия между тем, что называют магией и процессом сотворения самих заклинаний. Магия – это истинное имя Энергии изменения как таковой, которую могут чувствовать отдельные смертные и бессмертные. Это имя, – продолжал магистр, – странной силы, которую те, кто обладает истинным зрением, воспринимают как восемь ветров магии. Магия – не процесс сотворения и практики заклинаний, как некоторые думают. Сотворение заклинаний – взаимодействие между сверхъестественными энергиями и физическим миром смертных, контролируемое и направляемое разумным существом, будь – то человек, эльф или дикий орк. Есть множество различных видов и методов сотворения заклинаний, от привычного нам волшебства магистров им-

перии и вольных магических гильдий, до ужасного темного колдовства, черпающего свою силу в нижних мирах. Магия уникальна сама по себе. Это не сочетание других предсказуемых и понятных нам сил, которые нас окружают. Магия абсолютно не естественная вещь, которая проистекает из– за пределов этого мира. Хотя, по большому счету, магия– сама материя, из которой составлен Эфир. Нужно понимать, что эта эфирная энергия воплощает себя в нашем мире. Магия имеет силу изменять как материю, так и мысль, тело и разум, так как магия превосходит границы между плотью и духом. Так же как огонь имеет способность обжигать и пожирать. Цветные ветра магии имеют главные центры входа, расположенные на полюсах– оконечностях этого мира. Магия не есть распространение воздуха или газа, но движение рек астрала, невероятной энергии изменения, омывающей силой этот мир. Когда эта энергия попадает в нашу реальность, она становится видимой, по крайней мере для тех, кто обладает магическим зрением. Она разделяется на восемь цветов магии. – Вот простейшая аналогия,– магистр извлек из ящика стола кусочек стекла и поднес его под луч света, падающий через окно, выходящее на внутренний двор. Луч света, пройдя через стекло, разделился на семь цветов спектра. Вот вам и пример, так же как и свет, который тоже есть энергия, благодаря которой все живет и растет, магия, попадающая в нашу реальность, разделяется на восемь цветов, невидимая для обычных людей. Магия разлита повсюду, как огром-

ная река, из которой только надо уметь зачерпнуть силу, а для этого и существуют заклинания и формулы. Когда энергия эфира проходит в наш мир, она оказывается связанной некими определенными законами нашей реальности. Хотя я и не могу объяснить, почему это происходит, я допускаю, – тут магистр привлек наше внимание, повысив голос, – что всегда, когда плотское сталкивается с духовным, происходит какое – то изменение. Вот цвета магии Эфира, которые вам следует законспектировать и заучить наизусть. Белая магия света – Аиш. Этот эфирный цвет есть объединение и метафизическое представление света, включая то, каким образом он используется, и абстрактные вещи, которые, иногда, представляются в виде света. Аиш – так же магия вдохновения, представление возвышенности и понимания в их наиболее общих чертах. Она неосязаема, вездесуща и всемогуща, но так же требует полной концентрации силы воли и абсолютной уверенности разума для ее использования. Магистры и волшебники, изучающие Аиш, уважаемы, как бесподобные философы. Так же изучение света связано с медиативными заклинаниями, созданными для концентрации сознания и успокоения духа. Свет имеет множество применений и более всего связан и прославлен за свою силу в боевой магии в противостоянии тьме. А так же за силу защиты и исцеления. Аиш не так сильно связан со знаниями и фактами, как с мудростью и истиной в стремлении познать самих себя. Кому – то, смотрящему на Аиш, со стороны он может пока-

заться ослепительным и всепоглощающим в своем величии, но истинный его адепт ясно видит, как вся тьма рассеивается и весь мир становится освещенным и ясным. Если Аиш уравновешен и неизменен, то Хаос – беспорядочная энтропия. Хаос поддерживает полное отсутствие контроля, а так же смятение и безумие. По этой причине магистры Аиша известны за свои способности изгонять и противостоять демонам, а так же изгонять тварей нижних миров из нашего мира. Ветер Азир – лазурный ветер магии, связанный с воздушной стихией, это сверхъестественная энергия Эфира. Азир – это творчество и желание чувствовать. Азир воплощает в себе стремление к изменениям, его адепты часто наделены даром прорицания. Азир иллюзорен, после прохождения в нашу реальность, он быстро рассеивается в верхних слоях воздуха, становясь сверхъестественным облаком тумана, видимым только теми, кто обладает истинным зрением. Ветер Чаон – желтый ветер, эфирное представление логики и желание измерять и направлять, а так же, желание структурированного изучения. Чаон – воплощение анализа. Он связан с эмпирическими исследованиями и экспериментами, таким как: бесконечный поиск человеческих мудрецов, старающихся открыть алхимическую формулу, которая обратит любые металлы в золото. Чаон считается самым многообразным из ветров магии, который притягивается к металлу так же, как вода сбегает вниз с крутого склона. Говорят, что плотность – элемент, и Чаон влечет к нему больше всего

– а это, в свою очередь, объясняет, почему золото и свинец так часто используются в магических экспериментах. Один – как магический проводник, а другой – как магический изолятор. В дополнение к тому, что они являются искусственными волшебниками – артефакторами, они так же неустанно желают исследовать естественные законы вещей и неестественные законы магии. Можно так же сказать, что Магистры Чаона пытаются найти следы эфира, которые, как они верят, присутствуют во всех материальных вещах, и отыскать способ раскрыть все их безграничные возможности. Магистры Чаона по праву считаются лучшими алхимиками среди людей. Именно они создают новые артефакты и конструкты из младших, а, порой, из старших рун сигалдри, создавая всевозможные удивительные вещи и приспособления, нужные как в быту, так и на поле боя. Так, в битве за Маграс только боевые големы – конструкты спасли, а потом и склонили весы богини удачи на сторону армий союза перед великой зеленой ордой из скверноземья. Магистры имеют особую власть над всеми металлическими соединениями и элементами, а так же могут разрушать и ослаблять металлы так же, как и усиливать сплавы с помощью магии. Они так же являются самыми талантливыми создателями магического оружия в Старом свете, конечно же, исключая гномов и эльфов, чей навык в ковке оружия, не важно, магического или нет, затмевает всевозможные, даже величайшие достижения человечества в этой области. Ветер Гиан – Зеленый ветер магии,

эфирный импульс к росту, желанию растить. Гиан есть сила земли и плодородия, и само эхо жизни. Магистров Гиана часто призывают, если есть проблемы с плодородием и урожаем. Так же они очень сильные маги земли и растительного мира. Земля – элемент силы и стойкости. Маги земли, в основном, предпочитают защищаться от атак противника, выжидая удобного момента для удара. Синий ветер Авиан – эфирное единение водной стихии. Используя свою силу, маги могут управлять водой и ее формами. Согласно преданиям, вода – это элемент изменения. В магии воды доминируют плавные, изящные движения, что отражает текучесть и изменчивость самой воды. Маги водной стихии считаются одними из самых сильных боевых магов. Почти все приемы магии воды связаны с перемещением и формированием водных масс согласно воле мага. Начиная от простой левитации, маги могут перемещать воду везде, даже не видя ее, а так же разделять водные массы. Даже в текстах летописей, в империи Дракона имеется словосочетание, которое можно максимально дословно перевести как божественная способность останавливать воду. И, что касается этой далекой страны, это именно так. При столь обильном количестве рек, как в долинах реки ПО и часто случающихся там опустошительных наводнениях, это и не удивительно, что маги воды столь почитаемы в империи Дракона. Сила магии воды в ее универсальности: оборонительные техники легко переходят в наступательные и наоборот. Вместо простого блоки-

рования атаки противника маг воды может направить его силу против него самого. Таким образом, магия воды использует и позитивный и негативный данг, то есть и атаку и защиту одновременно. Например, заклинание водяная плеть является одним из самых простых заклинаний. Суть приема состоит в том, чтобы плавным движением перетянуть воду из источника к себе. Это одна из базовых техник магии воды, заключающейся в создании плотной и гибкой струи воды, которой можно ударить по противнику или обездвижить его. Форма и длина плети определяется собственной силой и способностями мага. Так же массу воды можно выставить перед собой как щит, блокируя атаку противника. Но так же, вниманием, особенностью этой техники является то, что для эффективного щита вода должна быть под давлением, иначе сильный противник может пробить ваш щит. Еще одно из эффективных заклинаний – ледяные копья или стрелы. Маг замораживает струю воды и бросает получившееся копьё в сторону противника. С ростом уровня силы и мастерства можно создавать множество стрел – копий. Так же это одна из простейших техник, с помощью которой можно тянуть воду и даже ходить по ней, повышая поверхностное натяжение воды. Особенно эта техника полезна водным магам, сопровождающим конвои через гибельные пустоши рек Скверноземья с их полными опасностями клыков дракона и гибельных мелей, каменных челюстей, которые опытный маг сумеет преодолеть. Все же не забывайте, что главная

основа мощи Соединенного королевства – это водные пути и торговля. Безопасные пути по водным артериям жизненно необходимы нам для самого нашего выживания и доставки наших товаров в разные удаленные части света. Особенно редкий дар – исцеление с помощью воды. Используя воду как своего рода катализатор, маг направляет целительные потоки энергии внутри организма к пораженным органам. Алый ветер Аши – эфирное единение опыта и воплощения страсти в самом широком смысле этого слова. Аши – сама дерзость, бесстрашие и восторг. Аши – пламя, зажигающее огонь в наших душах. Аши – пламя, изгоняющее тьму. Аши подобен жаркому, горящему ветру. Он привлекается любыми проявлениями страсти и спора, восхищения и силы. Постоянная теплота действует как водоворот для Аши. В рядах совета магистров всегда есть те, кто носит в себе огонь, их знают как пиромантов, так как они могут повелевать огнем, не важно, природным или нет. Маги огня – прирожденные боевые маги и, не случайно, в гильдиях боевых магов выше всех стоят над другими магами именно маги огня. Создание магии Аши очень агрессивно и энергично по своей природе. Маги огня могут призвать, что угодно, начиная с простейших огненных шаров, доступных даже первокурснику и заканчивая неистовым инферно, что бы сокрушить своих врагов. Особенность магии огня в том, что в отличие от других стихий, магу огня не требуется наличие стихии в природе: он может самостоятельно создавать огонь. Огонь – это элемент

силы. Магия огня отличается агрессивным, атакующим стилем и малым количеством защитных приемов. Главная цель мага огня – подавить противника своей мощью. Самые распространенные заклинания – огненный шар, кстати запомните, что размер шара зависит от подготовки и концентрации силы и мастерства мага. Большие шары летят медленнее малых. Плеть огня, поток огня – искусство огненной магии не особо изысканно, и там, где его применяют, идут изменения и гибель, не важно, намеренно или нет. Ветер Саили – это эфирное воплощение исцеления и жизни. Маги этого цвета, наиболее распространенные целители среди жрецов основных храмов Старого света. Маги – целители нужны везде и всюду: на полях битв, в малых и крупных городах и не заменимы при черном море – самой страшной напасти, страшнее чем война или голод. Только пребывающий во внутреннем покое и в гармонии маг, сможет стать искусным целителем. Ветер Шаил – пурпурный ветер магии – эфирное воплощение прохождения времен, окончаний и смерти. Шаил – понимание скоротечности жизни, так же это вера в то, что есть что – то большее после смерти, что мироздание само по себе вечно. Шаил – это наши воспоминания. Он дует из прошлого, которое закончилось и его больше нет. Затем через настоящее, так как ожидание смерти присуще самой жизни, в будущее, так как будущее неизбежно ведет к концу и смерти. Некоторые сравнивают Шаил с судьбой, так как он не управляет тем, что было, есть и будет, но пронизывает и влияет на

эти вещи с абсолютной близостью. Сильнее всего Шаил дует там, где чему— либо суждено встретить смерть или где что— то заканчивается. Его притягивают места сражений, где люди должны принять смерть, потому что все воины, как никто другой, принимают возможность своей кончины как часть своей обыденной жизни. Шаил также появляется в местах казней и на кладбищах. Напомню вам, что магией Шаил может пользоваться тайное братство изгоев— некромантов, так как некроманты отрицают смерть и находятся вне закона и преследуются по всему Старому свету и за его пределами. И еще,— помолчав, как бы в раздумьи добавил Толдвин,— есть два вида магии, которые сами по себе более могущественны, чем предыдущие восемь цветов, хотя они не являются ветрами. Данная новость заметно оживила интерес слушателей в зале, перья скрипели по бумаге, как сотни лапок бешеных скилов весной. Хотя эти два вида магии и имеют различные оттенки для тех, кто обладает магическим зрением, они — не отражения эфирной энергии, каковой являются предыдущие восемь цветов.

Аллар — сила, которую маги и волшебники по всему миру знают как высшую магию. Это магия в ее чистейшей высшей форме — сила созидания и порядка, как таковая. Аллар — творческая и созидательная сила, которая окружает всю вселенную духов, движущую силу и достоверность всех остальных цветов магии. Аллар можно представить как все цвета магии, собранные воедино и действующие в тандеме, усили-

вая друг друга, но не теряющие своей уникальности и особых свойств. Заклинания высшей магии используют элементы всех ветров магии сразу, используя их как единое целое. Таким образом высшая магия более многогранна, чем все другие формы магии. И заклинания, сплетенные с ее помощью, усиливаются один другим по экспоненте и определенно одни из самых могущественных. Согласно вердикту совета верховных магов Старого света вынесен запрет на использование высшей магии, потому что она слишком обширна, слишком сильна, слишком могущественна и дика для человеческого разума, что бы ею можно было управлять. Все те существенные трудности, что возникают при плетении заклинаний с любым из восьми отраженных цветов магии, восьмикратно увеличиваются, если вы имеете дело с высшей магией. Это конечно не означает, что магистры не могут учить и использовать определенные заклинания, объединяющие каждый цвет в отдельности. Это просто означает, что совет магистров находит практически невозможным плести заклинания высшей магии, которые используют множество, предположительно более трех, по меньшей мере, или, возможно, все цвета магии сразу. Будет достаточно упомянуть, что только старшие расы эльфов и некоторые другие создания, такие как фэйри, используют высшую магию с каким-то успехом или систематичностью. Например, гномы хотя и не предрасположенные к магии как таковой и не способные накладывать заклинания, как другие расы, все же могут вкла-

дывать заклинания в руническую форму, но подобные вещи, конечно же, являются сферой деятельности лишь величайших их рунных кузнецов. Подобные руны называют старшими. Дхар – наиболее страшная и опасная из всех эфирных энергий, так как Дхар– темная магия, берущая свои истоки в нижних мирах бездны. Даже само слово Дха– от эльфийского слова, которое можно дословно перевести как удушающая тьма. Он полная противоположность Аллара. Дхар– это гибель и разрушение. Там где Аллар созидателен и полон возможностей, Дхар– абсолютно, слепо разрушителен. Это можно сравнить, как черный всепоглощающий селевой поток с горных вершин и такой же неуправляемый. Дхар же абсолютно разрушителен и лишает этих самых возможностей. Он полностью заботится лишь о своих интересах. Если Аллар можно, по праву, считать чистейшим астральным эфиром, предметом мечтаний всех без исключения магов и волшебников, всех рас в мире, то Дхар будет ужаснейшим веществом ночных кошмаров. До сих пор остается непонятным, как Дхар прорывается в наш мир. Есть несколько теорий насчет этого. Одни считают, что Дхар призывают культы и сообщества некромантов, желающих обрести всемогущее оружие и мощь в виде Дхара и поставить его себе на службу, открывая для этого врата в нижние миры -планы. Другие же склоняются к тому, что после первого потопа, когда было вторжение в этот мир из глубин нижних миров, здесь у нас остались темные твари с той стороны, укрывшиеся в самых

потаенных уголках нашего мира, растерявшие свою силу и мощь, но сумевшие приспособиться и измениться за долгие тысячелетия существования в этом мире. Они долго и терпеливо ждут благоприятной возможности вылезти из своих убежищ и вновь впустить тьму в наш мир. Если Дхар будет слишком долго оставаться в нашем мире и не будет никем потревожен или использован, он будет становится все плотнее и плотнее, искажая и подминая все больше и больше законов в этой реальности, пока, наконец, не застывает в исключительно редкую и опасную субстанцию, которую маги называют камнем тьмы или камнем ночи. Дхар можно себе представить как эфирную энергию, которая вместо раскрытия возможностей и созидания рушит и ломает все вокруг без разбора. Поэтому Дхар видится как что-то полностью направленное на разрушение, подавление и господство над материальными вещами, в то время как Аллар – усиливает, пронизывает и пробуждает материю. По этой причине Дхар всегда притягивается к тем созданиям, что хотят лишь навредить кому-то или всему миру в целом. Дхар продвигает энтропию бесконечных форм разрушения, ломая сам ход течения времени, если, конечно, его собралось достаточно много, и он поглотит достаточно энергии и мыслящих существ. Дхар течет подобно вязкой и густой смоле, и любое создание, коснувшееся его, будет медленно, но верно поглощено без остатка его темными и вязкими глубинами. Такое положение дел показывает, что Дхар самая разрушительная

из всех эфирных сил, которая тем не менее может быть использована лишь самыми жестокими или жаждущими силы колдунами. Но и цена за использование энергии Дхара воистину высока, потому как его не только трудно использовать и направлять, а тем более контролировать. К тому же Дхар еще и пытается поглотить того, кто им управляет. В то время как Аллар – энергия, которая требует от волшебника искусства, уравновешенности, самоконтроля и яркой искры, а так же импровизации, если только он хочет правильно все сплести. То Дхар нужно еще заставить подчиниться, что воистину нелегко сделать и потребует величайшей силы разума, самоуверенности, доходящей до мании величия и абсолютной силы воли, которую только безумные люди могут надеяться достичь, а еще бесстрашия и непоколебимой стойкости. Даже, если касание к Дхару было кратковременным и мимолетным, спустя немного времени эта энергия начнет воздействовать на психическое сознание того, кто ее коснулся. Проявляются такие симптомы, как: раздражительность, паранойя, истерия, раздвоение личности. Астрал – это по сути связующее звено между материальным планом и между всеми планами. Астрал – серебряная пустота, где нет времени, гравитации или собственной материи. Астрал – это место, где есть только свет и энергия. Несмотря на это, астрал не может быть назван планом в прямом смысле этого слова, это изнанка или граница между всеми планами, не имеющая собственного места, поэтому большинство привычных

нам физических понятий неприменимо к астралу. К примеру, телепортирующийся путешественник тоже использует астральный план, просто он не ощущает своего присутствия на нем. Астрал – это точка перехода на внешние планы, в то время как внутренние планы почти всегда связаны исключительно с физическим существованием. Так как астрал не является местом и не имеет размеров, то и говорить о физических условиях на нем можно только весьма условно – как он воспринимается разумом оказавшегося в астрале путешественника. Тем не менее, эти условия есть, и они весьма постоянны и не меняются по его желанию. Из– за природы астрала попасть в него можно двумя способами. Путешественник может попасть в него физически – пройдя через портал, или же с помощью заклинания, создав свою астральную копию – двойника. При этом тело путешественника останется там, где было применено заклинание, а в путешествие по астралу отправится его копия. Астрал тесно связан с Верхними мирами и Внешними планами. Существует два основных вида связей. Первый – это цветные лужи, так сказать разрывы в ткани астрала, выглядящие как висящие в пустоте цветные кляксы, пройдя через них можно очутиться на другом плане и всегда на первом слое. Второй способ – это каналы, одни из немногих ориентиров в астрале. Каналы напоминают трубы или смерчи, сформированные из самого астрального пространства, и они выются по астралу порой на долгие дистанции. Считается, что так по этим каналам мож-

но добраться и до Внешних планов. Некоторые исследователи считают, что так можно добраться и до Внешних Планов, таких как Семь Небес или даже Эллизиума, воплощающих порядок, добро, царство справедливости и гармонии, место обитания добрых божеств. По слухам Эллизиум имеет четыре слоя. Это счастливый мир, полный радости и блаженства. Имеется также и их полная противоположность, так называемые нижние миры, такие как Бездна и Гиена. Это один из нижних планов, воплощение зла и ужаса, обиталище демонов и других тварей. Бездна состоит из множества слоев, каждый из которых служит одним из разных вариантов преисподней, таких как: огненные миры, кислотные озера, ядовитые безжизненные пустыни, ледяные пустоши и так далее. Но есть и другие примеры, такие как серые пустоши, например. И хотя они и относятся к нижним мирам, воплощающим зло в чистой форме, там, в отличие от Бездны и Гиены, можно выжить. Внешние серые пустоши подобны материальному миру, за исключением полного отсутствия цветов и разлитого вокруг духа апатии, уныния и равнодушия. Серые пустоши подразделяются на три слоя, именуемые также мраками. Кинув взгляд на часы, магистр произнес:— На сегодня все, свободны, увидимся на следующей неделе. На этом Толдвин закончил лекцию. Эта лекция мне многое прояснила о мире магии. Следующая аудитория была всего в минуте ходьбы от этого крыла здания, что было довольно близко по здешним меркам. Вел лекцию магистр Свиранг. Лекция

была о землеописании и естественных местах силы в Старом свете. Лекцию я слушал, но, вообще – то, я ее уже слышал и раньше во время своего путешествия сюда в Академию. Вот и еще один, подумал я о мальчишке, вошедшим в зал, прижимая к груди письменные принадлежности. Он был довольно молод, лет пятнадцать или чуть больше. Свиранг задержал его прежде, чем он попытался достичь свободного места.–И где же зравствуйте? Где ваши хорошие манеры? – недовольно спросил магистр,– и кто вы?– Эвил,– пролепетал ученик, застыв у края скамьи.– Вы опоздали. Что вас так задержало или вы не собираетесь ходить на мои лекции? Ваша причина опоздания. Магистр кинул взгляд на часы и уточнил:– Лекция уже четверть часа как началась. Парень судорожно попытался сходу что– то придумать, но так ничего и не выдав, сказал:– У меня нет весомой причины.– Хорошо, на следующем занятии вы расскажете о землеописании диких земель скверноземья и магию его обитателей, садитесь. Эвил понуро сел на скамью. Свиранг явно вошел во вкус и затягивал лекцию, переставляя папки на столе, поджидая очередную жертву. И как только новый ученик переступил порог, в зале наступила напряженная тишина. Это была девушка лет шестнадцати или даже пятнадцати. Довольно редкая птица здесь в Академии– соотношение мужчин и женщин было где – то один к десяти. Физиономия Свиранга, уже было нацепившего маску сурового судьи, внезапно смягчилось, на ней промелькнул проблеск узнавания. Он тут

же стал, вдруг, благодушным учителем. Была довольно интересна сама скорость этой смены настроения от не прикрытой враждебности, до заботливого наставника. Свиранг лично сошел со ступенек кафедры, что бы поприветствовать девушку. Он явно сменил гнев на милость, когда она вошла в зал.— Мое почтение, дорогая. Я рад нашей встрече. Мы как раз начали основную часть лекции, присаживайтесь скорее. Класс, начинаем конспектировать. Я сразу узнал ее, это была та самая девушка с золотыми волосами в красном плаще, которая стояла впереди меня на церемонии выбора, у которой был личный наставник— полноправный волшебник. Очевидно она была из высшей знати. Аристократических домов в Соединенном королевстве было хоть пруд пруди, но в совете у власти были лишь семь великих домов. Интересно, из какого она. Не зря же перед ней магистр так расшаркивался. Свиранг лично взял ее под руку и провел вниз по ступенькам к свободному месту в первом ряду. Если девушку и смутило такое внимание к себе, она явно не подала виду.— Прошу извинить меня, магистр, здание очень большое, и не всегда можно успеть к началу лекции. — Не волнуйтесь,— сердечно и искренне произнес Свиранг,— вы здесь, и это главное. Он повернувшись поднялся вверх на свою кафедру. Тут уж, казалось, он начнет наконец лекцию. Но он снова кинул оценивающий взгляд на девушку.—Простите мисс, — она была единственной девушкой в зале, простите мои манеры,— как вас зовут? Аммалия де Аммани. Спасибо, очень приятно.

Весь остаток лекции он не обращал на нее более своего внимания, что контрастировало с той первоначальной любезностью и вниманием к ней. Дочитав лекцию, он отпустил нас, задав новое задание к следующему уроку. На ужин в столовой был черный или скорее уж серый хлеб, тушеное мясо с подливой и каша. За скамьей уже сидели Виленн и Тиммон, лениво ковыряясь в своих тарелках. Рядом с ними, чуть в стороне, сидел Савьен, погруженный в свои по-видимому не веселые размышления. Тиммон и Виленн обменивались самыми разными остротами и предположениями о том, чье мясо сегодня пошло в их миски на ужин. Как по мне мясо, как мясо, в самый раз, тем более я уже и успел проголодаться. Тут я заметил знакомую изящную фигурку с водопадом золотых волос, перетянутых золотым шнурком. Проследив за моим взглядом, Тиммон тихо присвистнул.— Вот так конфетка.— Где,— завертел головой Вилен.— Вон там, в дальнем углу у окна,— шикнул на него Тиммон.— Не крути так головой, догадается,— еще раз цыкнул он на него. Вилен, проследив в указанном направлении, тихо выдохнул сквозь зубы:— О, боги, сита— вела по тилейски,— что— то пробормотал он, чем отвлек от черной меланхолии своих невзгод Савьена. Я же продолжал смотреть на фигурку в обрамлении золотой дымки волос, что придавали ей лучи солнца, падающие на нее через окно. Хотя уже вечерами было и холодно, но солнце по-прежнему было ярким, а небо безоблачным. Кто ни-будь знает, кто она?— спросил Тиммон, ни к кому конкрет-

но не обращаясь, опередив меня на секунду. Он всегда был не прочь приударить за смазливой красоткой.— Неа,— слышался возглас,— видимо только поступила или перевелась из другой академии. С ней, кажется, Свиранг был сама любезность и душка, — только что ковриком не стелился, — поддержал кто — то с соседней скамьи. — Так — так, и что у нас там такое, новая знаменитость?— заинтересовался Савьен. Ясно же, что она благородная и не из рядовой знати. — С чего ты это взял?— сразу же влез в спор Виллен, уже видимо прикидывая, как поладить с прелестной незнакомкой и приглаживая свои волосы. Савьен лишь хмыкнул. Он с оценивающим видом, как— будто быстро ощупал незнакомку взглядом, повернувшись начал с невероятным превосходством и самомнением перечислять: спина прямая и держится как будто на троне, с похвальным превосходством, обычно девушки так себя не ведут.—И все,— вскинулся Виллен. Да я... Но тут его снова перебил Савьен:— Я еще не закончил,— веско уронил он. —Ее манера работать со столовыми приборами, в отличие от вас, ловка и даже изящна. Кроме того, когда она подняла левую руку, на ее пальце блеснуло кольцо без камня— значит фамильное с гербом. Скажите мне, у скольких дворян кольцо с гербом? И тут же, сделав короткую паузу, ответил на свой вопрос: — Всего три сотни в нашем королевстве. Он продемонстрировал нам свою левую руку с гербовым кольцом, тускло блеснувшим в неярком свете. Вставший уже было Тиммон, опустил на скамью.— Так, кто— то слышал ее имя?— Амма-

ни, вроде как,— сказал я, желая все же узнать тайну этой прелестной незнакомки. Кому—нибудь это что—то говорит?— Нет,— покачал головой Тиммон,— ничего. А ты?— спросил он у Виллена. —Нет, не припоминаю. Вот он благородный, у него и спрашивай,— он указал ложкой, как указкой на Савьена. —Аммани? — с усмешкой повторил Савьен,— если это и вправду, то тут нам ничего не светит. Тиммон махнул рукой, ну, вылаживай, кто она такая. Один из домов основателей Соединённого королевства, один из семи великих домов, семи золотых солнц. По сравнению с богатством ее семьи я все равно, что так мелкий дворянчик,— с усмешкой сказал он.

Глава 6

Наступила зима, и ледяной, колючий ветер, дующий из—за студеного моря, загонял всех в дома и трактиры. Люди не высывались без особой надобности на улицу. Ветер вился и завывал, бился в окна и ставни, гоня по полупустым улицам ледяную поземку. Тем и лучше, не хотелось никуда идти, и оставалось больше времени на учебу и практику. Наконец— то у меня появились первые успехи на занятиях у Олдана. Мне впервые удалось вызвать горсть мелких, не больше горошины, фаэрболов — прямо как новогодний бисер. Сам не понимаю, как так получилось.— Сомкнутые плотно ладони,— скомандовал уже здорово раздраженный нашим топтанием на месте Олдан, — импульс и выброс,— уж, наверное, в сотый раз перечислял нам магистр последовательность необ-

ходимых действий. На этот раз под горячую руку магистра попался и я, опоздав к началу практических занятий. А наш бравый вояка, как за глаза называли его ученики, сильно уж не любил он опаздывающих на его уроки. Не дав мне дойти до скамейки с остальными учениками, он тут же вызвал меня на учебный корт и предложил мне продемонстрировать, чему я научился за эту четверть. Первым же попал под раздачу Вилен. Как он ни старался, наибольшее, что у него выходило, так это пару раз засветившиеся ярким светом ладони и пара светляков, один из которых почти что сразу погас. С координацией у него, видно, проблемы, промелькнула у меня в голове мысль. Прогнав назад на скамейку Вилена и провожая его хмурым взглядом из— под кустистых бровей, Олдан дождался, когда я надену защитную робу и ступлю на песок корта.—Тебе что, отдельное приглашение требуется? Давай приступай, — скомандовал магистр.— Ну хоть кто—то покажет мне что—нибудь, кроме пустого гонора и снопов искр на этом курсе? Подстегнутый таким напутствием, я и так был уже на нервах, а ладони вспотели, как у какого—то вора—карманника, застигнутого с поличным. Я, не задумываясь, соединил ладони вместе, ощутив тепло и легкую щекотку от кистей к локтям. Верхней ладонью я, как наждачной бумагой, провел, высекая целый сноп огненных искр — мелких горошин, скачущих вокруг меня. Отлетая на пару шагов, они затухали и гасли. Если физиономия Олдана и стала менее кислой, то, наверное, только в моем воображении.

Да и сделал я это скорее от испуга перед разъяренным магистром, хотя сам толком не мог объяснить, как так вышло. Но во всяком случае у меня был хоть какой-то результат. Занятия шли своим чередом. Я изучал базовые основы магии, так и не определившись на чем мне остановиться. Мое расписание было довольно сильно загружено, но хорошо что не так, как в те две первые четверти. Тогда было не продохнуть от постоянной писанины и преследовавшего меня запаха чернил, казалось я пропах ими насквозь. Вдобавок, я изучал артефакцию со все большим старанием, так как понимал, что кошелек мой уже скоро покажет свое дно, а плату за учебу, еще никто не отменял. Одни здешние боги знают наверное, во что мне встанет учеба на третьем круге. Практические занятия и ознакомительная работа в артной прошли в третьей четверти, и я сразу же взялся за самую простую работу, до которой допускали первогодок, зачастую мелочную и однообразную. И, как правило, за сущую мелочь в оплате. Я учился и старался запомнить основные принципы работы, действия. Особенно меня интересовала зарядка энергокристаллов, а от них и принципы действия разных амулетов и оберегов, токи сил, распределение и взаимодействие силы в них, принципы их работы. Если бы я выбрал артефакцию, то по окончании ученичества, наверняка, смог бы рассчитывать на тепленькое место в гильдии Артефакторов. Но меня привлекало иное— настоящая магия, неизведанные горизонты магических сил. И еще одно интересовало меня: изучив ред-

кие или сломанные артефакты, я смог бы повторить достижения древних мастеров прошлого, создавая и что-то свое, новое. Но так далеко я не загадывал, главным для меня сейчас было подзаработать побольше с прицелом на следующий круг учебы в Академии. Да и проветриться выходом в город не мешало бы. Зима уже сдавала свои позиции. Было еще холодно, но это не мешало нашей компании делать краткие вылазки в город, что бы хоть как-то перебить начинающую уже приедаться однообразную столовую пищу. В артефактной же работа кипела ключом. Это было похоже на новогоднюю суету. Хотя новый год здесь и не праздновали, точнее, конечно, отмечали, но без тех торжеств и того размаха, что у нас дома. В артной делали множество новых вещей, бывало здесь работали и над старыми вещами, особенно если это касалось какого-то старого раритета, сломанного или не работающего артефакта. Это не было чем-то удивительным. Многим из этих вещей было уже не по одной сотне лет, и следовало проявлять особую осторожность при работе с ними, соблюдая многочисленные инструкции, дабы потом не жалеть о случившемся. Никс, один из старших учеников, уже в летах, с седой, густой гривой волос каждый день начинал нашу смену с нудных правил и нотаций об опасности работы в артной, вколачивая в нас это знание наизусть. Он, как старший в артной, истово и горячо любил свою работу. В мастерской уже набралось три дюжины учеников, ожидающих демонстрации новых поделок и новинок, ждущих своей оче-

реди на починку. Некоторые сидели на лавках, прислонившись к стене, другие устраивались на высоких стульях за своими столами и клевали носами, пытаясь урвать хоть сколько есть времени на сон. Тем временем, старшие ученики у дальней стены помещения сортировали по уровню сложности и мастерства предметы для каждого из учеников, а так же по степени опасности того или иного устройства. Предметы были разных форм и размеров, разных свойств и сложности. Приходилось сортировать их по уровню мощности и способа нанесенных на них рун. Одни были со слабой мощностью и лишь слабо светились остаточным зарядом энергии. Другие же были с непонятными свойствами, с полностью истраченной энергией, отданные в починку или в дар за тот или иной исправленный артефакт. С другой стороны стены, ближе к кабинету магистра артефакции Квирена сидел немолодой человек. Это был высокий и слегка сутулый худощавый мужчина с седыми висками и длинными пальцами, как у пианиста. Самого магистра я редко видел. Как и все первогодки, мы в основном возились с разной мелкой работой, вроде самых простейших основ артефакции – сделать заготовку или механически разобраться в устройстве какой-то вещицы или механизма. Мне, надо сказать, это давалось лучше других. Совсем другое дело, сложные, не изученные или же не известного принципа действия и назначения артефакты и устройства. Ими отдельно занимались лишь очень опытные ученики, а, зачастую, это была основная работа ре – та-

ров, подмастерьев и мастеров артефакторов. Через их руки прошли, наверное, тысячи и тысячи изделий и механизмов различной степени механического и магического искусства. Там— то я и увидел, возле стола с несколькими подмастерьями своего приятеля Тавина, который ловко то и дело пере-кладывал то одну, то другую поделку. Он выделялся среди них своим возрастом и седыми волосами. Вот он отвлекся, и я привлек его внимание. Подойдя, я спросил:— Разве это не одна из работ, только для опытных учеников? Он же отпарировал, что, для таких зеленых юнцов, как наш класс, еще поискать надо.—Этот день просто удивительный. Давненько я не видел столько разных диковинок с разной магической машинерией,— кивнул он головой в сторону дальнего стола. Справедливости ради, надо заметить, что в основном мы — ученики имели дело исключительно с механическими побрякушками и артефактами, не содержащими магии, без накопителей энерго — кристаллов. Чаще всего, это были грубые поделки или копии наиболее распространенных устройств. Например, часто используемых в быту и в мастерских свет-ламп, что горели ясным и ярким светом без копоти и гари или же реле у жар- шкафов для выпечки хлеба и иной сло-бы или для подогрева воды в ресторанах и дорогих гостини-цах. Горячая ванна в домах была роскошью, но в основном,— так себе мелочь. Эти поделки зачастую были плохими копи-ями оригиналов, более слабыми и чаще ломающимися, гру-бо и даже примитивно исполненными, весьма посредствен-

но, даже на наш не искушенный ученический взгляд. С более сложными вещами и предметами было труднее. К примеру, амулет защиты с феанитом в качестве накопителя. В его центре на серебряном округлом медальоне шли расходящиеся круговые надписи – строки рунного алфавита, или же малые руны, другие руны охранения и защиты. Камень светлорозового оттенка был наполнен силой едва на четверть, он был сердцем этого оберега, а руны направляли и фокусировали исходящую от камня энергию. К рунам у меня сложилось крайне уважительное и прагматичное отношение, как к эдаким микросхемам в этом мире, хоть мало кто и всерьез понимал как вместе в тандеме они работают, давая порой совсем не обычные, а зачастую обратные результаты, чем от них ожидалось. И еще одна деталь – чем древнее руны, тем они эффективнее работают. Ну, а если вплести в алфавит несколько старших рун, то тогда эффективность может подскочить в разы, только и энергии будет потреблять побольше. Такие амулеты были хоть и хороши, но имели весьма узко направленное действие. Например, защита от стрел и дротиков, от метательного оружия работала просто отлично, но от удара меча защитить уже не могла. Магистр артефакции на этот вопрос заметил нам тогда, что чем сильнее артефакт, тем более узко направленно он будет действовать. Была, специализация по стихиям и всему остальному. Более редкими были амулеты, допускавшие слияние сил, а еще реже те, которые усиливали взаимодействие одной стихии с другой. В

наше время они встречались гораздо реже и были не частыми гостями в нашей мастерской. Со временем мне начали доверять и более тонкую, сложную работу. За быстрый ум и умелые руки я заслужил даже некое уважение среди здешних учеников. Я сразу же замечал остаточные проявления силы в предмете, даже в давно разряженных устройствах, порой скорее интуитивно догадывался о принципе их работы. Сначала я узнавал все, что можно о похожих предметах, а затем слегка направлял немного силы в накопитель, чаще всего полудрагоценный камень с серебряной основой, так как серебро идеально подходило под нужды энергопроводимости и наблюдал, какие руны и в какой последовательности высвечиваются, течет ли сила ровно или рывками, что может говорить о дефекте или повреждении устройства. А дальше все как по учебнику: определение рун, их классификация, за какие эффекты какой стихии они отвечают, в какой очередности они активируются, работают они вместе в тандеме, нет ли сбоев, четко ли проступают руны на его поверхности, нет ли какого дефекта энергокристалла, не помутнел ли он от длительного использования, что говорило бы о плохой эффективности устройства и его низкой надежности. Все это прямо влияло на стоимость оплаты ремонта устройства и ценности самого изделия. Да мало ли каких нюансов было в работе. В артефакции работа почти всегда была сопряжена с риском, хотя и свои плюсы имелись. Приятным дополнением к этому было повышение моей оплаты за работу до трех солов и пяти

тенов, что не только повысило мою самооценку, но и позволило откладывать часть денег на учебу в следующей четверти. Без ложной скромности скажу, что к концу третьей четверти я был лучшим среди всей нашей группы. Артефактная в Академии была главной статьей по доходам и пополнению казны, не только Академии, но и всего Соединенного королевства. Она была местом, где испытывались все, или почти все, магические и любые другие устройства и артефакты, которые попадали туда. В отдельном здании размещались мастерские стеклодувов, работы с металлом, алхимиков и рунных мастеров. Мы с Виленом, Савьеном и Тимоном сидели за боковым столиком в дальней части трактира” Три ключа”, перебравшись подальше от толпы, что— то шумно праздновавшей и наполнявшей главный зал гулом разговоров. Наша компания еще не была пьяной, но и трезвым нас никто не назвал бы. Мы праздновали новый оборот.— Тебе, в конце концов, надо решить, к кому из магистров ты собираешься пристать, —сказал Тиммон. — Магистр будет выдвигать тебя на ре — тара. Так что выбирать и присматриваться нужно уже сейчас. —Ага, без этого никак,— кисло заметил Вилен и помотал головой. —Я просто обращаю ваше внимание на свою гениальность. И ожидаю пока кто— то из них поймет и оценит по достоинству этот мой шаг,— сказал Савьен. —Как это получилось у тебя с Хейдом?— спросил с усмешкой Тиммон.— Как у тебя?— спросил Вилен. Савьен кинул на Тиммона сочувственный взгляд. — Острый ум, исключительные способно-

сти, – важно изрек Савьен. – Этот Хейд – настоящая крыса. – По– твоему это все объясняет ? Почему ты сдал этот оборот за все го – то двадцать лидоров? – произнес Виллен с полуулыбкой. –Ничего себе,– только и смог я произнести. – Они не рассказывают, как все было на самом деле, –оскорблено произнес Савьен. – Да как – то за тобой не наблюдалось никаких особых талантов,– заметил Виллен. – Это же не причина угрожать ему, –тут же поддел его сидящий сбоку Тиммон. Я чуть было не рассмеялся, представив эту картину. – Так это правда ?– Но не вся,– отпарировал Савьен. Хейд лишил меня повышения в ранге, хотя до этого всячески намеками давал мне понять, что за скромное пожертвование на его кафедру он сможет решить данную проблему в мою пользу, а что в итоге? Я стал беднее на десяток золотых, и ничего не приобрел. Более того, вместо меня повышение получил другой студент, а меня он использовал как дешевую рабочую силу, вместо того чтобы выдвинуть на старшего ученика. –Так ты все же угрожал ему?– продолжил спор Виллен. – У нас был спор,– спокойно отозвался Савьен. Если бы не это, никто бы и не кричал на всех углах об угрозах магистру Академии. За столом на время сгустилась тишина. – Да, интересно было это увидеть, сказал я, попытавшись развеять сгустившееся молчание. Савьен на это лишь криво улыбнулся. – Тиммон прав, как ни крути, тебе надо, наконец, выбрать, у какого магистра и какой магии ты хочешь обучаться. Иначе тебе грозит та же участь, как и Тавину – стать главным и вечным

учеником. Савьен встал, согнав с рукава воображаемую пылинку и поправил одежду. – Ну, как я выгляжу? Честно говоря Савьен одевался не современно, так как придерживался Тиллейской моды, а не бывших сейчас в ходу в Королевстве фасонов одежды. Но его шелковый наряд весь в пестрых приглушенных тонах выглядел очень красиво и выгодно отличался в лучшую сторону от практичной одежды бывшей у нас здесь в ходу. – И, что это значит? – спросил Виллен. – Ты опять пытаешься ускользнуть от нас? – поддержал его Тиммон. – Весьма сожалею, но я должен вас покинуть. У меня встреча с дамой, весьма важная. – Так ты ничего и не говорил нам, как же так. Послание пришло только что, и я не успел вам о нем рассказать, только и всего, – успокоил он нас. То, что Савьен дружил да и просто сидел с нами рядом, было с его стороны чем – то вроде уступки. Он недолюбливал таверны, которые мы выбирали, предпочитая более солидные и респектабельные заведения. Такая таверна, как “Три ключа,” которую выбрали Тиммон с Вилленом, была вполне себе хорошим середнячком. Напитки здесь были вполне приличными, и хоть тут бывало порой достаточно шумно, но драк и кутежей здесь старались не допускать. Мне же, нравился уют и веселая атмосфера здешнего заведения. – Вы действительно хорошие друзья и прекрасная компания, но, увы, у меня свидание с благородной леди, а это не то, что можно пропустить, – подмигнул нам Савьен. – Ну же, честно признайтесь, кто из вас не оставил бы друзей, если бы его ждала дама? Мы

немного поворчав согласились.— Савьен победно улыбнулся своей лучащейся белозубой улыбкой. Я пришлю вам отличное Модерганское, что бы смыть внезапную горечь расставания со мной,— сыронизировал он. Не так уж он и безнадёжен,— пробормотал я, когда Савьен ушел. Тиммон согласно кивнул. Он хоть и знает, что он лучше тебя, но не смотрит на тебя свысока, как все эти остальные высокродные хлыщи. Итак,— подытожил Виллен,— к кому ты собираешься податьсь?— спросил он у Тиммона.— Полагаю к Ирвину, пока еще не решил,— неуверенно произнес он. А ты?— спросил он у меня.— Я думаю или артефакция, или Олдан,— после недолгого раздумья, ответил я. — Я же попытаю удачи у Клосара—магистра алхимии, у меня есть опыт в химии, а там и до алхимии не далеко. В ответ на это Тиммон лишь засмеялся. Все думают, что химия и ахимия почти что одно и то же, но увы нет. Они даже рядом не стояли, хотя в чем— то сходства имеются.— Кроме того, Клосар, — продолжал Тиммон — уже взял себе около двух десятков учеников в прошлой четверти, и я уже слышал, как он возмущался тем, что у него нет места в аудитории. И учти, если пойдешь на целителя, то путь на верх будет, ну, очень длинный и трудный,— завершил свою тираду Тиммон. — Помнишь Кирин, ту с каштановыми волосами, в свое время ты вился вокруг нее, так вот она была одной из лучших во всей учебке,— пояснил он мне. Магистр Вей-ир, наверное, самый дотошный и упрямый магистр из них всех. Его на мякине не проведешь, в самый корень зрит. Он

ей вlepил десять четвертей старшим учеником, затем девять четвертей эл- таром, выпускная работа и защита на звание целителя. Это по меньшей мере,— произнес Тиммон. Иллиса, та высокая и светловолосая, ты ее не знаешь,— кинул он мне, —так вот она уже четыре круга у него эл- те. Я же прикидывал, тем временем, во сколько мне обойдется оплата на следующем круге, наверняка, не меньше, чем в три серебряных сола. Но вслух произнес : —У меня на это, наверное, терпения не хватит. Ответом была тишина. Каждый погрузился в свои размышления. Внезапно из полумрака возникла подавальщица напитков. ”Три ключа” был полон только на половину, поэтому она не выглядела уставшей от разноса напитков, но это только пока. — Ваш красивый благородный друг заплатил за этот круг и за следующий,— сказала она, ставя поднос и сгружая напитки на стол перед нами. Тиммон, очнувшись от такого поворота дел, встряхнулся и произнес: — Я все больше обожаю Савьена. Да, он сегодня расщедрился—вчера выиграл на ставках семь из девяти ставок. — За Савьена,— поднял кружку Тиммон. — Пусть богиня удачи принесет ему продолжение учебы как можно дольше, а нам выпивку. Мы в тот вечер неплохо выпили, а затем неизбежно наступило утро и новый день, день сдачи экзаменов. Занятия отменялись, и магистры ежедневно с утра и с несколькими перерывами до самого ужина отводили свое время на прием экзаменов. Очень многое зависело от короткого собеседования. Неправильный или неточный ответ мог стоить учени-

ку очень дорого. Даже продолжительная пауза воспринималась как не достаточное штудирование предмета, за которым следовали новые уточняющие вопросы, которые могли легко удвоить твою плату, тем более имея перед собой живой пример такой ситуации как Савьен. Несмотря на то, что я долго готовился, экзамен прошел не лучшим образом, чему соответствовала напряженная атмосфера какого – то страха и отчаяния, царящая в зале ожидания. Напряжение было таким, что его, казалось можно было, резать, как кусок масла. А вышедшие из экзаменационного зала ученики больше походили на приговоренных к казни, что тоже нервировало. И все же, я не зря не давал себе спуску за зубрежкой конспектов. Я сравнительно легко ответил на многие вопросы, касающиеся в основном базовых правил и законов сохранения магии. Но на пару вопросов все же замялся с ответом, они содержали сразу несколько вариантов ответа. Пока магистры совещались, я переминался перед помостом – массивным столом из каменного дуба. Наконец, магистры пришли к согласию и утвердительно кивнули друг другу. Затем мне вручили записку со стоимостью моей оплаты. Я развернул ее, моя плата на следующую четверть составляла ровно три серебряных сола. В новом году мне дали разрешение на изучение младших рун и их применение, правда, поначалу под надзором одного из старших учеников. Это заставило меня более усердно и с двойной отдачей трудиться в артной, где я уже показал себя усердным и не бесталанным учеником.

Силадри – это набор рун для распределения и направления потоков магии. Например, одна руна силэ, вместе с другой айо вызовут эффект левитации, по крайней мере, пока вы направляете через них силу. Были и другие, например, руна ала и дэй вместе так скрепляют каменные блоки, подобно прочному раствору, что взять крепость, защищенную такими рунами, занятие не легкое и трудоемкое. Она не поддастся даже мощным стенобитным таранам. Пока в стене находится хоть гран магии, она будет стоять твердо и нерушимо, как скала. Но были и свои нюансы в этом деле, только глина и природный камень подходили для этого, с не природными материалами такой фокус не проходил. И лишь досконально изучив силадри и сдав по ней экзамен, я мог быть допущен к работе с малыми рунами. Тамрад – один из заместителей магистра Квирена. Это был уже не молодой с несколькими пятнами ожогов на руках, он был правой рукой магистра. Только после того, как ты доказывал ему свое владение силадри, ты мог продвигаться дальше в обучении при одном из опытейших артефакторов. Ты помогал им с их работой – они же показывали тебе тонкости и приемы своего искусства. Всего рун было двести семь. Это было похоже на изучение неведомого алфавита, только с двумя сотнями не знакомых букв. В артной меня определили к Калину, одному из опытейших подмастерьев. У многих студентов уходил целый месяц для обучения, прежде чем их признавали готовыми продвинуться дальше. Впрочем, были и такие, которые затрачивали на

это целую четверть. У меня же это заняло всего неделю. И то, только благодаря стараниям Тавина, поднатаскавшего меня в этой дисциплине и знавшего все тонкости своей работы не хуже самого Тамрада. Ну, и не в последнюю очередь, благодаря своему упорству и способности все схватывать на лету. Несмотря на не простое начало, моя первая четверть в новом обороте пока шла довольно легко и гладко. На лекциях я слушал и конспектировал. Магистр арифметики часто пытался меня на чем— то подловить, но пока— что с его стороны тщетно. Чаще всего я практиковался в артной, изучая принципы и свойства малых рун и их комбинации. Насчет старших рун, ими мог заниматься только магистр, так как они относились к запретной системе магии, поскольку были очень могущественными для всех прочих, не важно ученик это или подмастерье. Я подолгу работал в мастерской с Тавином, вникая во все тонкости в изучении сиалдри, и часто помогал тому или иному подмастерью с его работой в основном по мелочи, конечно— починка или разборка того или иного устройства или артефакта. Да, это была кропотливая работа, но каждые две недели Квирен выплачивал мне целый сол, в зависимости от сложности и полученной выручки, а так же реализации и сбыта товара. Я был уверен, что он наизусть помнит, кто и сколько проводит у него времени, зорко отмечая часы, которые каждый из учеников отработал у него в мастерской. Как это всегда бывает, мой быстрый подъем, до старшего ученика отстранил от меня большинство других

учеников. Не знаю, завидовали мне или нет, но я на это не обращал внимания. Это вышло все как-то случайно. Мой график в новой четверти был довольно не простым. С одной стороны у меня были явные успехи в атрной, и я подумывал уже о том, что от добра добра не ищут, и следует держаться Квирена, что бы не спугнуть удачу. С другой – все мое существо привлекала боевая магия магистра Олдана. Я не знал, что делать, и пока оставил все как есть, занимаясь обеими дисциплинами. Я учился артефакции более упорно, чем всему остальному. Тем более, что моя плата за следующую четверть была более высокой, чем в прошлой четверти, и это при том, что я сдал экзамен лучше, чем в прошлый раз. То был знак, что цены за обучение и в дальнейшем будут ползти вверх. И, следовательно, это общая тенденция и на этом деле не остановится. Иногда я ловил себя на мысли, что же будет в следующем круге, где плата еще выше. Я убедился, что наиболее верный способ обеспечить свою учебу, а там глядишь и неплохо пристроиться – это стать артефактором. Пока я трудился у Квирена, часто выполняя работу уже уровня подмастерья за уже вполне приличную для ученика плату в один серебряный сол в неделю. Кроме того, Квирен объявил, что производит новый набор на звание старших учеников. Это заявление породило какой – то не здоровый ажиотаж и суету у многих учеников, кроме самых безнадёжных, и тех, кто уже определился со своим выбором специальности. Это при всем том, что легкой и безопасной работу в артефактной

ни у кого язык бы не повернулся назвать. И дня не проходило без каких-то травм или ожогов, не говоря уже о чем-то большем. Где-то раз в четверть, кто-то из старших учеников нет-нет и выбывал из строя, по той или иной причине. Так что рабочих рук постоянно не хватало. К этому приводило неосторожное движение или ослабевшее внимание, тем более когда работаешь с опасными предметами, устройствами и иными механизмами. Твое внимание и чувство опасности притупляется, и нужна лишь случайность, чтобы случилась беда, даже несмотря на все те строжайшие меры предосторожности, которые были в Артефактной. В артефактной с самого утра кипела работа. Здесь уже собралось с полсотни учеников, ожидающих, когда же им распределят их новые игрушки. Там я увидел Тавина, он копался возле старого зеркала в изысканной и изящной оправе. – Привет, – приветствовал я его, – что ты тут делаешь? Я думал ты вместе со всеми, – кивнул в сторону стола, где велась обычная утренняя сортировка предметов. – У меня есть дела и поважнее, – проворчал он, – а там и без меня не протолкнуться. Он был всецело поглощен исследованием ажурной рамы. Его пальцы тола за толой исследовали каждый листок и завитушку на ней. Наконец, он отвернулся с не прикрытой досадой на лице. – Боги, как я устал, – пробормотал Тавин, ни к кому конкретно не обращаясь. Он откинулся назад на спинку стула и начал тереть ладонями уставшие глаза. – Ни чего не понятно, должно же работать, – пробормотал он. Перехватив мой за-

интересованный взгляд, он пояснил:— Видишь ли, эта штука, наверное, один из последних редких артефактов дальновидения, и, кажется, он сломан, или не знаю, но определенно он не работает.— Да это я вижу,— произнес я. Тавин искоса посмотрел на меня, думая, что подкальываю его.—Я уже проверил всю систему. Вся сеть лэй— линий внутри него цельная, без прерывов, ток силы в ней идет плавно, значит все в порядке,— подытожил он. Кристалл я заменил на новый полный силой, так что и не в этом дело. В чем же тогда проблема, что не так?— Может с зеркалом проблемы,— вслух подумал Тавин. Он опустил руки, его плечи устало сникли. Потерев рукой лицо, он глянул на настенные часы и устало произнес: — Посиди пока здесь, сегодня ты работаешь со мной, я пока пойду умоюсь, пригляди за зеркалом, это моя работа от Килвина. Тавин ушел, и я, от нечего делать, принялся исследовать изящную раму с замысловатым растительным орнаментом. Изящные лозы неведомого растения как — будто лавровым венком абажура удерживали само зеркало в раме. Я сначала проверил ток силы в кристалле и лей — линиях артефакта — все было в порядке, как и говорил Тавин. В чем же дело? Может, и вправду, все дело в зеркале, испортилось? Такое часто бывало: без видимых простому глазу повреждений, случались пробои в его поверхности. Тут уж надо было менять само зеркало. Однако в этом и была главная проблема. Секрет изготовления этих зеркал канул в лету еще в смутные лихие годы распада империи Аллори.

В то смутное время, империя под напором из вне орочьих племен и изнутри гражданской войны распалась на части. Множество людей и городов было уничтожено, как и многие секреты создания настоящего искусства из мира магии. Зеркала дальновиденья были одним из этих забытых секретов. Да, они еще кое-где встречались, как бесценный артефакт былых времен рассвета империи и всех искусств и ремесел. В основном они принадлежали сильным мира сего — королям и герцогам или одному из главных храмов в Старом свете. Размышляя так я задумался, мой взгляд остановился на лозе орнамента, вплетенной в оправу украшающей зеркало. Что-то, какая-то мысль не давала мне сосредоточиться. Внезапно безумная мысль мелькнула, подобно молнии. Впившись взглядом в орнамент, я увидел то, что искал. Я нашел взглядом орнамент, неизменно повторяющийся на всей окружности оправы зеркала. Этот символ повторялся снова и снова, что не могло быть просто совпадением. А раз так, то это была подсказка, графический ключ активации артефакта и никак иначе. Пару раз сбившись, я, наконец, воссоздал нужный символ в воздухе перед собой и, собравшись, коснулся гладкой поверхности зеркала. Я опять изобразил нужный символ, но ничего не произошло. Я сделал еще одну попытку — тот же результат, чего-то не хватало. Я стал искать взглядом по раме. Есть что-то, что я пропустил. Нет, тот знак я изобразил верно, ошибки нет. Я задумался, должно же быть еще что-то. В то, что зеркало не исправно, я наотрез

отказывался верить. Окинув уже, в который раз раму, мой взгляд опустился ниже. Там виднелись какие – то символы, едва видимые, потемневшие от времени, как – будто чьи – то инициалы. Я едва нащупал их подушечками пальцев, так как они уже стерлись, и на гладкой поверхности и их нельзя было рассмотреть даже подсвечивая себе огоньком. Я слегка нажал на эти едва заметные неровности одной рукой, а другой нарисовал тот знак, и вуаля – поверхность зеркала засветилась рассеянным жемчужным светом. Вдруг что – то теплое коснулось моей руки откуда – то изнутри, по ладони разлилось приятное тепло. Это было очень похоже на небольшую искорку света, как и в той шаманской погремушке. Она была удивительно теплой. В зеркале медленно плыли облака, на заднем плане на берегу раскинулся большой, красивый южный город. Огромная гавань все же немного уступала Амстельской в размерах. Над башнями вился ярко красный стяг со вставшим на дыбы львом, поддерживающим большой щит. Вверху вилась какая – то надпись, но из – за сильного ветра, трепавшего знамя, мне никак не получалось ее хорошо рассмотреть. Сзади меня раздалось шуршание, я обернулся – несколько старших учеников пялилась на меня и зеркало. Тавин был в первом ряду с Квиреном, который то же пристально разглядывал не столько зеркало, сколько меня.

– Ну что же, вопрос о твоём повышении до ре – тара – уже дело решенное? – риторически спросил меня Тиммон. – Наверное, – уклончиво ответил я. Магистр так ничего и не

сказал на счет этого. Так что я и вправду не знал, зачтется ли мне это за повышение или нет. Но мне повезло, свое имя среди еще десятка студентов я увидел в вывешенных списках выдвинутых Квиреном на звание ре – тара – старшего ученика. В наставниках у меня был Калин. Он, хоть и выглядел совсем не старым, разменял уже пятый десяток лет, из них три десятка он отдал артной, занимаясь только и исключительно в этой стезе, совершенствуя свой талант. Калин был высок и строен, с серыми глазами и короткой темной стрижкой, слыл знатоком как всевозможных магических безделушек, так и сложных, и солидных артефактов. Если правой рукой Квирена был Тамрад, то левой был, или старался ею быть, Калин. Между ним и остальными как подмастерьями, так и старшими учениками шла негласная борьба за вакантное второе место. У Калина имелся поистине громадный практический опыт, как наверное у всех нас вместе взятых, исключая магистра и его заместителя Тамрада. Калин был терпелив, внимателен и собран, скорее сангвиник по натуре. Он чем – то напоминая мне моего первого наставника, вручившего мне кольцо ученика вольного мага Элдвина, только тот был перекасти поле и не любил надолго засиживаться на одном месте. А Калин же, и все это знали, мечтал подняться на вершину мастерства и прославиться как великий артефактор. Именно Калин, научил меня различать и определять охранные чары и ловушки от не осторожных самоучек, обходить заклятье охранной сети, наведенной на нужный объект или помеще-

ние, правильно использовать истинное зрение, видеть даже самые слабые следы магии и охранных заклятий. Всегда уделяя особое внимание безопасности, он учил меня сначала легко, по касательной, исследовать магический фон и цвет магии, затем, направляя, слабый ток силы на исследуемый предмет, наблюдая за течением энергии в нем, вытаскивать наружу все его тайны и скрытые секреты, а затем принцип его работы и назначение. Постепенно, по мере моих успехов, меня начали допускать до более сложных и трудных задач, вроде защитных и охранных амулетов и оберегов, артефактов, вроде того зеркала, с которым мне пришлось иметь дело в прошлый раз, работая в паре с Тавином. Постепенно я втянулся в кропотливую и интересную работу в артной, успевая в то же время и на лекции и практические занятия по боевой магии у Олдана. Как старшему ученику, мне не полагалась какая-то поблажка, но теперь моя оплата за работу в артной была все же выше, чем у некоторых других старших учеников. Но времени постоянно не было, его хватало лишь на еду, лекции и сон. Взятый мною темп был не такой уж и редкостью для учеников Академии. Оказалось, что здесь, каждый второй ученик страдал хроническим недосыпом, чаще всего, из-за большого объема уроков и занятий. Я считал, что большинство студентов были попросту не способны угнаться за темпом обучения в Академии, привыкнув к другому, не то что ленивому, но более спокойному и размеренному, привычному ритму жизни у себя дома. Часто они просто не

успевали перестроиться на новый лад и переварить ту огромную массу информации, которая была принята за норму в Академии. Зима уже почти что пролетела, весна входила в свои права и лишь холодный и пронзительный ветер, временами налетающий на город, напоминал, что она еще никуда не ушла. Новая четверть и новая напасть. Как я и опасался, в новой четверти моя плата за следующий круг возросла, и не только у меня. Цену повысили всем ученикам Академии, как тем, кто только что поступил, так и старшим ученикам и даже подмастерьям, которых это, вроде, вообще должно обходить стороной. Многие студенты недовольно ворчали, но дальше разговоров дело не шло. Это и понятно, силой никто никого не держал, а забрать вещи и уйти каждый волен был, хоть, в тот же день. Но, конечно же, такие случаи были редкостью. Кому— то было жаль потраченного времени и денег, кто— то не терял надежды на повышение, что богиня удачи Талия и на него кинет свой взгляд. Некоторым было попросту некуда пойти и их никто не ждал вне этих стен. Завершив свою работу в артной, я решил зайти с друзьями, Тиммоном и Вилленом, в “Три ключа”. Это было наше самое любимое заведение. Наша компания собралась в полном сборе, и я испытал радость от такого, ныне редкого, совместного ужина со своими друзьями. Я заказал себе яичницу с беконом, черным поджаренным хлебом и морсом из терна, ягоды которого чем— то напоминали по вкусу калину. Наша компания сидела на скамье у дальней стены. Так как к тому времени все

столики уже были заняты, и нам не нашлось за ними места. Народу набежало как – то не привычно много, если не сказать слишком много. – Где ты пропадал? Тебя что – то долго не было видно, – сказал мене Тиммон. Точно, – поддержал его Виллен, – я тебя, кроме как на занятиях, не видел. Ты, как – будто влюбился по уши, пропал где – то, ни слухов о тебе. – Почти так оно и есть, – проворчал я, занимаясь своим ужином. Виллен, что – то тихо пробурчал с набитым ртом. Выражение его лица развеселило Тиммона, и тот весело рассмеялся. – Виллен куда вежливей чем я, мы думали ты проводишь все это время в каком – то борделе, или любезничаешь с какой то милой горожанкой. Да, выглядишь ты не очень. – Да, – признал Виллен, – ты выглядишь, как загнанная лошадь после скачек. – Вот – вот, – встрял Тиммон, – и на нас тоже у тебя времени нет, – обвиняющим тоном сказал он, доедая свою порцию. – Извини, Тиммон, сейчас в артной очень напряженная работа, постоянно что – то не успеваем доделать в срок. – То же мне новость, – фыркнул Тиммон. – Да всегда так было, махнул рукой в мою сторону Виллен. Впрочем они были правы, я часто засиживался в артной допоздна, теряя из виду ход времени на часах. Я, все – таки, смог выкроить себе немного времени и пройтись по городу. Столица и главный город Соединенного королевства Амстел был воистину огромным и великолепным городом. По нему можно было гулять днями и неделями, открывая для себя все новые и новые его достопримечательности. В первую очередь,

это касалось центральных кварталов и главных зданий города, храма Талии – одного из самых больших не только в империи, но и во всем Старом свете. К главным достопримечательностям города относилась и Академия Высокого Волшебства. Все улицы вели к площади Семи Солнц – главной жемчужине Северной части мира. Сотни и сотни сверкающих ярким светом светильников, освещающих дорогие рестораны и гостиницы, а так же главную достопримечательность Амстелла – площадь золотых Солнц, которая прямо-таки вся искрилась и утопала в свете магических фонарей и иллюзорных картинок. Каждое соседнее заведение стремилось перещеголять в красочности иллюзий и картинок своего ближайшего конкурента, приковать к себе взгляд возможных покупателей, по возможности, облегчив их кошельки и пояса от лишнего груза звонких монет. Иллюзии и ослепительные красочные картинки от сезона к сезону становились все более изощренными и красочными. Конкуренция здесь всегда была очень жесткой и острой. Вот, на одной из вывесок маг обрушивал на толпу гоблинов поток ослепительных молний. Площадь, казалось, утопает в различных каскадах иллюзий. Местные жители, впрочем, мало обращали внимание на эти магические фокусы, в отличие от приезжих, которые стекались сюда как пчелы на мед. Именно так и можно было определить, местный ты или приезжий, с которого сама богиня удачи велит содрать в три дорога, рассказав обо всех здешних чудесах магии. Главными столпами торговли

и коммерции Соединенного королевства были семь главных, крупнейших и могущественнейших торговых домов, от которых и получила название сама площадь. Все они вели торговлю магическими артефактами и конструктами, зельями и эликсирами, вплоть до наложения чар на морские корабли и стены города. В свете самосветящихся ламп переливались и искрились ряды флаконов и пузырьков, колбочек самых причудливых форм. Разных размеров пузырьки манили светом светящихся веселых быстрых искорок и своей завораживающей игрой света внутри них. На эти диковинки и чудеса можно было глазеть бесконечно долго: зачарованные рукоятки, лезвия мечей и клинков, витые посохи магов, прекрасные доспехи с защитными рунами и рунами прочности,— все это великолепие всевозможных вещей ласкало и притягивало взгляды зевак и прохожих, маня и притягивая к себе любой взор. Увы, вся эта блестящая красота стоила просто баснословные суммы в золоте, да именно так, по ордонансу — то есть уложению, принятому в Соединенном королевстве, был составлен перечень товаров, за которые оплата велась в золоте. К примеру, среди них были шелк, редкие специи, благовония, дымчатая сталь и, конечно, магические товары, эликсиры и астральные алмазы. Ниже шел перечень и уточнения насколько силен артефакт, сколько в него вложено силы, его редкость и специализация, одноразовая это вещь или самовосстанавливающаяся, с перезарядкой или без. Ну, и, конечно, кем и когда она сделана, кем— то из высших домов

семи солнц или так, на коленке в соседней артели. Не было секретом то, что большая часть учеников, не закончивших Академию, или отчисленных по той или иной причине, нанималась в местные цеха и гильдии за небольшую плату, работая в них зачастую и сверхурочно. Все зависело от той или иной ситуации, в которой оказывался ученик. Со второго круга ученик мог работать в артной и зарабатывать себе в соответствии со своими знаниями и умениями при желании, конечно. Особенно ценились эликсиры и исцеляющие артефакты, амулеты и обереги. На обратном пути мне на память пришли слова Тавина, что альтруизмом и благотворительностью здесь в и не пахло. Подписывая бумагу о поступлении в Академию Высшей магии, помимо бесплатного общежития и питания, ученик обязывался, в случае необходимости, при особых обстоятельствах, поступить на службу во благо Соединенного Королевства. Никакой вам благотворительности. Но как— никак это был, шанс, так как одному, без поддержки семьи и родственников в большом городе не выжить. В столице цена на квалифицированный труд была гораздо, не сравнимо выше, чем в любом другом городе. А уж закончивший Академию волшебник, если был не бесталанен, имел большие перспективы— от двора какого-нибудь графа или герцога до свиты иного монарха в зависимости от специализации. Лекарь точно хорошо приживется в любом сообществе и при любом дворе, хоть короля или купца, если знает свое дело. Спрос на магов и магию лишь повышался от

оборота к обороту, и чем сильнее и изощреннее магия, тем она выше ценится, как и тот, кто ею владеет. Эти таланты могут быть в любой области: унять шторм или вернуть плодородие земле, усмирить пламя на поле боя или, наоборот, создать, обрушив его на врагов, отогнать грозу или ураган от посевов и виноградников, унять мор и болезни, кои считаются карой богов и которых боятся больше всего другого вместе взятого. Ведь войны и мелкие стычки давно стали здесь нормой жизни и больше воспринимались через призму дохода и выгоды, исключая, конечно же, опустошительные нашествия диких орд зеленокожих, сеющих только смерть и опустошение. Лекцию о зельях и эликсирах, которую вел магистр Тарнок, было интересно слушать. Подробно объяснив ученикам основные формулы и ингредиенты, процессы создания и получения, а так же определения того или иного эликсира, он дал нам задание выучить основные формулы создания эликсиров и их основные свойства. На мой вопрос, как же получаются неудачные зелья, магистр оживился и как заядлый и дотошный фанат своего дела, явно привыкший к пассивности на своем предмете со стороны учеников, тут же пустился в долгие перечисления, что и как можно испортить, не важно со злым умыслом или нет, по неопытности или не осторожности. И этих возможностей было много. – Возьмем, к примеру, эликсир бодрости. Основа может быть разной, – писал на доске мелом магистр. В основном это травяные, органические ингредиенты. На них накладыва-

вается энергетическая составляющая – то есть заклинание. Но это не все, нужно правильное взаимодействие для нужного эффекта. Чем эликсир свежее, тем сильнее от него отдача. Даже в закрытом флаконе со временем магия рассеивается, и спустя какое-то время это будет лишь обычная настойка, способная взбодрить человека, не более. Так же большое значение имеет качество ингредиентов и правильное наложение заклинания. Большая часть редких растений не произрастает у нас и закупается в далеких странах, таких как империя Дракона, например. Вытяжка из растения белого лотоса улучшает работу сердца, жень – ень для мужской силы и так далее. Сами заклинания усиливают эффект и продолжительность действия, но тут, – магистр поднял указательный палец вверх, призывая всех обратить на него внимание, – очень важно знать, что эликсир лишь активирует, резко повышая регенерацию и скрытые силы организма на короткий срок. После окончания его действия приходит ощущения слабости, опустошенности организма и упадок всех сил, как духовных так и физических. Так же имеются противопоказания. Естественно, если человек молодой и здоровый, то, конечно, через пару часов он придет в норму. Но вот людям в возрасте или с тяжелыми болезнями, особенно сердца, это опасно, так как сосуды могут не выдержать тех перегрузок, которые могут на них оказываться. В общем лекция выдалась очень познавательной. Весна уже была в самом разгаре. Попытка приготовить хотя бы самое простое зелье

была неудачной идеей – без нужных ингредиентов, которые совсем немало стоили, нельзя было даже надеяться на успех этого дела. Как и следовало ожидать, все зелья и эликсиры создавались исключительно несколькими главными домами, строго следящими за монополией в этой сфере, не допуская чужаков на свой, и так ставший тесным рынок продаж зельев и эликсиров. В общем же, учеба шла своим чередом, и я постепенно приспособился к ее стремительному ритму, постоянной толчее и разноязыкому говору ее учеников. За обедом Тавин как – то обмолвился, что нынешнее очередное повышение явно не последнее, и впредь плата за учебу будет только расти. Я, как и многие сидящие за столом, уже невольно мысленно начал прикидывать во сколько мне это обойдется в новой четверти. – Можно подумать, ты все знаешь наперед. Эти вороны так и задумали все соки из нас выжать, как из кислого чхиса, и после только шкурку выбросить вон из Академии, – проворчал кто – то сбоку от меня. – Ха, – хмыкнул Тавин, – вы, мальчишки, еще не раз пожалее-те, что так продвинулись в верхние круги. – Уж поверьте мне на слово. Вся разница – только больше склок и плата, соответственно гораздо выше, от оборота к обороту. – Ну, – протянул Тиммон, – мы же хотим получить посох, а не быть вечными учениками, ведь так? – полуутвердительно заявил Виллен. – Дети, просто дети, – сокрушенно покачал головой Тавин. – Как вы думаете, сколько, по-вашему, учеников получают этот ваш вожделенный посох? – иронично поинтересо-

вался он.—Ну, я не считал,— протянул Тиммон. —Понятия не имею,— проворчал Виллен.— Вот,— поднял указательный палец вверх Тавин,— тут— то все и дело, никто не знает. Это как же так, ведь церемония вручения посоха, она же проводится чуть ли не каждый оборот,— поинтересовался я, в свою очередь, влезая в разговор. — Проводится то она проводится, но на ней лишь формально дается согласие на обладание посохом, вот так— то. Я был немного ошарашен этими словами. —Ну, не все так плохо,— тут же постарался успокоить нас Тавин.— Многие все же и впрямь получают звание полноправного мага, в основном, конечно же, сынки богатых аристократических семей, съязвил Тиммон. —Тавин на это лишь сухо и не выразительно пожал плечами: такова жизнь, это не высший идеальный мир. —Так и что же, какова, по слухам, будет плата в новой четверти?— поинтересовался Тиммон после не продолжительного молчания. —Да, в общем, такая же как и в этой.— Что, совсем без повышения?— поинтересовался я, уже мысленно благодаря всех богов.— Да,— как— то не уверенно произнес Тавин. Но он тут же оговорился, что это касается только этого оборота. Но в следующем вообще непонятно что будет.— Час от часу не легче,— проворчал Тиммон себе в тарелку, поедая свою порцию. —Если дело так и дальше пойдет, то они так скоро и всю церемонию посвящения отменят за не надобностью. — Тавин взглянул на меня внимательнее.— Неплохо. Ты, я вижу, первый из элтэ, кто, по крайней мере, вслух сказал об этом. Он хлопнул

ладонью по скамье. —Ты, я вижу, мыслишь в верном направлении, и нет, ты не прав, не отменят, это слишком выгодно. Они совсем не собираются упразднить статут принятия в полноправные волшебники. Просто это сделают по- другому. Таким как мы,— он обвел нас всех взглядом,— скорее всего путь наверх,— он показал пальцем вверх,— уже заказан. Разве только, что ты высокородный и можешь купить одну из лун с неба или же ты какой— то новый Леонадо де Винче так, что тут одно из двух и третьего не надо и искать. Все равно не найдешь, только лишь время потратишь зря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.